

Мила Коротир

ВСЕ МОИ ДЕВЯТЬ ХВОСТОВ

Мила Коротич
И все мои девять хвостов
Серия «Магия восходящего солнца»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64337063*

*И все мои девять хвостов. Фантастический роман: SelfPub; Москва;
2024
ISBN 978-5-17-160098-3*

Аннотация

Саша Кислицкая – обычная бедная студентка, мечтающая о поездке в Китай. Она снимает комнатушку и подрабатывает в китайском ресторанчике. Возможно, ее мечты о путешествии так и остались бы мечтами, если бы не случайное знакомство с... преподавателем китайского вуза Чжаном Ли!

Однако все оказывается не так просто. Странный щенок, которого Саша с Чжаном Ли спасают от диких собак, отращивает хвост, подозрительно похожий на лисий. А когда зверь таинственно пропадает, вокруг Саши начинают твориться необъяснимые вещи. И ключом к происходящему может служить только одно: лисицы-оборотни из китайских легенд действительно существуют...

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	54
Глава 5	65
Часть вторая	72
Глава 1	72
Глава 2	85
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Мила Коротич

И все мои девять хвостов

Фантастический роман

Судьба человека более всего зависит не от случая, а от его умения делать выбор.

Сунь Цзы. «Искусство войны»

* * *

© Мила Коротич, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

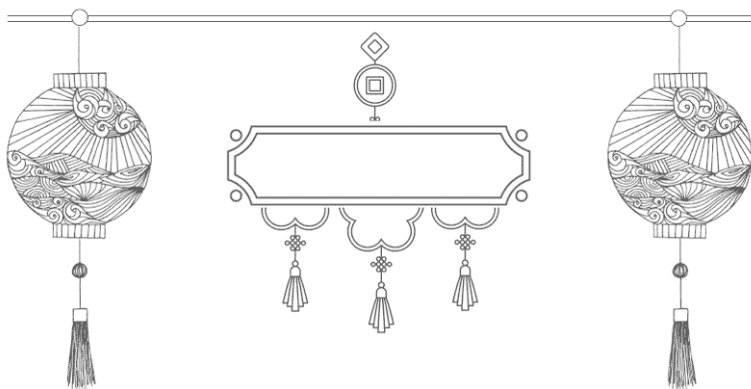
Бабушка Ен Ху делала вид, что курит. Все вокруг знали, что она не переносит табака и бережет свое тонкое обоняние.

Но и она тоже прекрасно знала, как эффектно выглядит в глазах туристов красивая пожилая китайка с серебряными волосами, убранными плоскими волнами, переходящими в пучок на затылке: китайская леди, курящая сигарету в тонком длинном мундштуке. Эта идеальная картинка в витрине сувенирной лавки работала лучше любой рекламы, стоило только бабушке Ен Ху сесть в кресло, включить лампу и начать проверять бухгалтерские книги. Клиенты, жаждущие утонченной китайской экзотики, тут же появлялись в дверях ее магазина под звук дверных колокольчиков и, покупая безделушки, делали ей прибыль. А бабушка Ен Ху, чуть улыбаясь, записывала цифры перьевой ручкой китайской скорописью... Но сегодня ей то и дело хотелось закурить по-настоящему, хоть она и не умела. А потому просто грызла мундштук своими белыми зубами, как нервная школьница. Что-то должно было произойти: влажный северный ветер, который бабушка чуяла, нес новости и тревоги, возможности и перемены.

Часть первая

Сны и собаки

Глава 1

...Цветущая ветка сливы – тонкая, чуть неровная, узловатая. Цветы на ней – простые розетки с пятью лепестками, округлые, как щечки младенца. Пара больших цветов, еще пара поменьше и, конечно, бутон. Да, это банальность, рисунок на форменном платье официантки из китайского ресторана. Но если ветка рассекает диск полной луны, а луна эта

отражается в глазах ночного зверя, тогда совсем другое дело. Нужно только обвести ветку в круг, а потом...

Звякнул дверной колокольчик. Саша Кислицкая вздрогнула, сжала пальцы, и слива стала просто мятой салфеткой. Три ярко-красные царапины, протянувшиеся через глаз от брови и до носа, резко заболели. Она одним движением сунула салфетку в карман фартука – туда, где, как назло, стал вибрировать мобильник, – быстро свои ножки в казенные гэта, положенные работнику как спецодежда, и приготовилась, кланяясь и улыбаясь (улыбка и поклон тут тоже были частью «спецодежды»), принять заказ от новых посетителей ресторанчика паназиатской кухни «Серебристая луна».

Но, увидев, кто входит в дверь, Саша прикрыла лицо рукавом и юркнула в кухню.

– Леся, а Леся, – простонала Кислицкая напарнице, высокой и худой в такой же форменной розовой блузке, – подмени меня, прими заказ у посетителей. Пожа-а-а-алуйста!

Леся вскинула татуированную бровь.

– С чего вдруг? Твой столик, ты и иди! Я устала. – И она демонстративно прикурила сигарету от электроконфорки.

«Ты так, наверное, однажды брови себе и спалила», – в сердцах подумала Саша, но предприняла еще одну попытку:

– Лесечка, пожалуйста-пожалуйста, ну выйди и прими заказ. Там одnogруппницы мои. Я не хочу им на глаза попадаться... – Она сделала моську. Подняла бровки вверх. – И... и мне мама звонит, срочно!

Правда была настолько мелодраматична, что рассмешила суровую Лесю. Она окинула взглядом тощенькую Кислицкую, на мгновение задержавшись на левой стороне лица, но ничего не сказала про саднящие царапины. Уже в который раз ничего не сказала, вот странно.

– У нас в стране вообще-то любой труд почетен. Нечего тут стыдиться каких-то пижонов с айфонами, – проворчала Леся.

Однако статная девушка все же встала с табуретки – с грацией медведя в родной среде обитания.

«Может, в прошлой жизни она бродила по тайге в бурой шкуре», – подумала Саша. Но тут напарница надела типа деревянные башмаки (дресс-код как-никак) и, как по волшебству, пошла неожиданно легким, семенящим шагом. «А потом ее поймали и в цирк отдали, по проволоке ходить». Кислицкая, чтобы спрятать улыбку, полезла в телефон и попыталась изящно и незаметно прикрыть зудящим аппаратом оцарапанную щеку.

Телефон, однако, замер в руках, а на экране всплыло уведомление: «Пропущенные вызовы: Мама. 3 вызова».

Надо перезвонить, пока есть время, решила Саша. Но абонент неожиданно оказался временно недоступен. Странно это, мама так не делает, а сама дозвониться может и на выключенный телефон, если ей понадобится. Суровая Сашина мама.

Зато с заказом повезло! Не придется прятать глаза и от-

вечать на вопросы девчонок из группы. Кислицкая перевела дух. А тут и Леся вернулась.

– Выбирают пока. Фифы размалеванные, ничего особенного. – И она улыбнулась Саше. – Все нормально. Тебя никто не видел, и про тебя никто не спрашивал. Ой, блин! – Напарница резко схватилась за живот. – Я сейчас вернусь. – И Леся умчалась в сторону служебного туалета.

Саша еще раз попыталась позвонить маме и проверила «Вотсап»¹. Но галочка не посинела даже! Мама выключила телефон? Да неужели?! На хорошо удобренную страхами почву упала первая крупная капля – сомнения...

На табло вызовов зажглась цифра семь. Тот самый столик, за которым расположились три главные сплетницы курса. Они, видимо, уже сделали выбор и вызывали официантку, а Леся еще не вернулась. Вторая капля – немного тревоги.

К светящейся цифре добавился еще и звоночек. А Леська как будто застряла там, в дамской комнате. Еще чуть-чуть – и будут неприятности у всей смены... А Леська все не идет, поганка! Тревога и паника!

– Саша, почему ты здесь? Клиенты с твоего столика ждут! – Голос хозяина Ши Тяна не был ласковым. Сухопарый старик с жидкой бородкой, как показывают в китайских

---

¹ «Вотсап» (WatsApp) – сейчас самый популярный мессенджер на Дальнем Востоке России. Ни «Телеграм», ни «Вайбер» не могут догнать его по популярности. Хотя в последнее время дальневосточники предпочитают иметь несколько мессенджеров одновременно. (Здесь и далее – прим. авт., основанные на личном опыте, а также подготовленные на основе открытых источников.)

фильмах про кунг-фу, смотрел сурово. – Иди-иди!

Одним взмахом руки он развеял все Сашины надежды на спокойный вечер. И бородака его сейчас напомнила ей подобную у одного деревенского животного. Но пришлось подчиниться: Ши Тянь был крут с персоналом, если было за что наказывать, но и премии выплачивал щедрые и регулярно. А сегодня как раз должны были раздавать красные конвертики. Паника-паника-паника! Предел! Лишь бы не «поплыть», не провалиться в зыбкий кисель, где не помнишь, что было, а потом, как в детстве, расхлебывать последствия: «Мама, я плохо поступила? Нельзя так делать?!» А мама не обвиняет, поджимает губы, не отвечает. Прячет глаза, отворачивает лицо... Крепко держит в руках любимую чайную пару с розами. И в выходные в доме появляется новый набор посуды. Стыдобища. После очередного такого «поплыва» всю посуду дома взрослые сменили на эмалированную. Он дольше всех прослужил, этот набор с детсадовскими мишками. А вот окна так же часто менять не могли, и сколы на углах оставались года два, пока не вошли в моду тройные стеклопакеты и мама сумела наскрести денег на замену окон.

А как все хорошо начиналось! И сданная на повышенную стипендию сессия, и объявленная уже премия на работе, и фамилия в списках прошедших первый отборочный тур на заграничную стажировку. И если бы не эти собачьи царапины на лице! Но Саша поклонилась, как того требовал рабочий этикет в «Серебряной луне», и пошла, вся заледенев

внутри. Насмешки и сплетни обеспечены...

Леська, устыдившись приступа своей «медвежьей болезнью» днем, весь вечер даже немножко заискивала перед Кислицкой. Но даже если к этому добавить премию от Ши Тяна, все равно не хватило, чтобы успокоиться после ехидства и замечаний по поводу расцарапанного лица, торчащих скул, раскосых глаз и полного отсутствия груди в девятнадцать Сашиных лет.

Вот пора бы уже привыкнуть к своей азиатской внешности – она же с тобой с рождения, а все же больно! И в школе было больно, и сейчас. Никто не называл Сашу Кислицкую «фарфоровой куколкой» или «китайской феей». Почему-то предпочитали совсем другие эпитеты все детство. «Якудза» и «китаеза» – самые милые из них. «Интернатница-задница» – еще тоже безобидное. Хотя она совсем, совсем не помнила своей жизни до Некрасовки, до домика с белыми ставнями и забором из зеленого штакетника по улице Орловской, 13. И в садик Саша ходила оттуда, и в школу, и в институт потом уехала оттуда же поступать.

И плакала очень в садике, когда вдруг поняла, что ей не достались ни мамины синие глаза, ни папины серые. «У тебя – черные, вот, держи карандаш. Исправь свою картинку, – велела девочке воспитательница на занятиях по рисованию. – Художник должен рисовать правду!»

Саша ревела от обиды, и даже рисунок, отобранный на областную выставку, и коробка конфет как приз за него не утешили до конца. Она не такая, как все вокруг, не такая, как мама и папа. Неродная, как она потом как-то тихо поняла. Самого разговора об этом она тоже не помнила.

Приемные родители не знали, как девочку утешить. Говорили только: «Давай сдачи!» Но попробуй тут «дать сдачи» целой кодле матерящихся сельских мальчишек, когда ты одна... и вот-вот случится что-то. Но, к счастью, в последний момент всегда появлялся кто-то из взрослых и ничего действительно плохого не случилось. И еще Саше всегда удавалось увернуться от комков грязи в спину.

Она стала старше, и вроде полегчало – или односельчане попривыкли. А в городе, куда уехала учиться, Кислицкая думала, что уж тут-то всем будет все равно, а подковырки опять начались. Но здесь гнобили уже за интеллект. Мало кто на ее факультете охотоведения принес из школы аттестат с оценками выше тройки, а у нее оказалась аж серебряная медаль.

Сначала Саша думала, что это просто трудности адаптации, но оброненные в ее присутствии фразы типа: «Даже ко-соглазым ясно, а ты тупишь! Дай ему на лапу!» – были слов-

но тот самый ком грязи, от которого не успеваешь увернуться. Словно удар в спину. А наотмашь било тут же произнесенное в лицо типа приветливое: «Привет, Аниме!» Мама учила ее не обращать внимания на колкости: «С чего ты взяла, что это они про тебя?!» Но гордого молчания не получалось. А кротость местные не оценили.

Даже мода на К-рор не помогла. Потому что нужны к азиатской внешности еще и умение нести себя как звезду, и шмотки модненькие, а не тихий нрав и нецелованность.

В общежитии Саша жить не смогла, стала работать и снимать временку в частном секторе у подслеповатой старухи Михалны. Повышенная стипендия, зарплата официантки, и папа с мамой кое-что подкидывали из продуктов – если не шиковать и готовить самой, то прожить вполне можно. Закрыть дверь ото всех и прожить, не глядя в зеркало.

Под окном временки сейчас как раз цвела слива. И лепестки падали на крашенный водоэмульсионкой подоконник. Туда, домой, Саша и направлялась после смены, закончившейся затемно. Влажный северный ветер задувал под куртку. «Собьет все лепестки со сливы и с окна! Ну что за день!»

Прийти бы скорей туда, закрыть дверь на крючок, заварить на газу чаю и, не включая свет, смотреть, как падают лепестки в лунном свете, пока невыносимо не захочется спать.

Фонари в частном секторе традиционно не горели. Зато луна светила вовсю, пряча в густые тени дневные огрехи

людской недоустроенности. Сегодня Саша не могла успокоиться. Попробовала по дороге еще раз дозвониться маме и разозлилась даже. Ни одного деления на датчике приема сигнала! Ни одного!!! Двадцать первый век, областной центр! Граница с Китаем недалеко – там даже у нищих «Вейсинь»² есть, и милостыню им по QR-кодам подают, а тут двадцать минут пешком по частному сектору, и нате вам – нет сигнала! Зла не хватает и нервов!

Сколько желчных замечаний Кислицкая слышала о том, что она нашла уже свое место и зачем ей, с ее данными, в институт. Официанткой или на поле – перец пропалывать. Потому как время челноков³ и «фонарей»⁴ давно прошло, а для азиатской модели она не вышла рож... ростом. Какими злыми бывают люди к тем, кто не похож на них! И надо бы

---

² «Вейсинь» (## [wēixìn] – аналог WatsApp в Китае, только с функцией соцсетей, интернет-кошелек и переводчика, имеет много постоянно пополняющихся приложений и функций. Бесплатный.

³ Челноки – торговцы товарами народного потребления методом челночной торговли: сам закупился, сам довез до места торговли, сам продал, снова поехал за следующей партией товара, и так постоянно. Челноки в 90-е годы XX века были основным каналом поставки товаров в магазины, на рынки и т. д. Таким народным бизнесом занимались все, кто мог. На себе можно было перенести бесплатно до 20 кг товара. В 2000-е такой вид народного бизнеса почти сошел на нет.

⁴ «Фонари» пришли на смену «челнокам». «Фонарей» нанимали для бесплатного перевоза через таможенную больше количества товара. «Фонарь» предоставлял свой паспорт и должен был в определенное время пройти таможенную с чужим товаром. За это ему оплачивали билет и давали символическую сумму на карманные расходы. «Фонарями» часто подрабатывали студенты.

завтра заболеть, не пойти на работу, потому что они придут еще и завтра. «Ты завтра работаешь? Отлично, мы завтра тут отметим сессию. Чаевыми завалим! На год вперед лапши себе купишь!» И все это было сказано с притворной заботой.

И мама тоже хороша: не перезванивает, на «Вотсап» не пишет, сообщения не шлет, «Скайпом» перестала пользоваться уже месяц как – что случилось-то?! Эти тревога и паника созрели в Саше, чтобы перерасти в истерику. Надо срочно взять себя в руки, чтобы не «поплыть» прямо здесь...

– Не пойду на работу завтра! – решила Кислицкая. И сама удивилась своим мыслям. И даже как-то легче стало, спокойнее. – Отпрошусь и пойду с провайдерами разбираться, где моя связь, за что я им плачу...

Прижав сумку покрепче к груди, она быстрее зашагала по привычным неосвященным колдобинам.

Вот так же Саша шла здесь вчера, когда все пошло наперекосяк, в том числе и ссадины на лице появились.

Тогда вдруг из проулка прямо под ноги ей бросилось что-то серое и визжащее. Щенок сбил ее на землю и сам полетел

кувырком, громко скуля. Стукнулся о забор и заметался, начал отчаянно копать лапами под столбом, потом прижался к нему спиной и затыкал, повизгивая и хрипя. А потом бросился к Саше.

– Будь ты неладен!

Кислицкая, поднимаясь, шарила руками по земле, чтобы найти отлетевшую куда-то сумку. Отпихнула псину. Нашла сумку. Щенок же снова бросился к ней, скуля и царапая куртку. Саша взяла неуклюжего на руки, а тот задергался, засучил лапами.

Вой раздался по всему околотку. Стая больших псов не спеша вышла из подворотни. И как сказали бы в детективе: «Намерения у них были самые недобрые». Щенок сильнее затрясся и заскулил. Вожак стаи поднял голову и – Саша готова была поклясться – улыбнулся. Сверкнул зубами. Потом замер, а его стая повторила те же действия, в упор глядя на девушку и щенка. Крайние псы стали заходить с флангов, а вожак все гипнотизировал Кислицкую взглядом.

– Пшел прочь!

Она кинула в стаю камень и рванула что было сил в темноту. Никогда еще Саша не бегала так быстро. Хотя нет, бегала. В детстве. От собак же. Всегда их боялась. А псы в этот раз отставали лишь на пару метров. И разрыв сокращался с каждой секундой. Щенок бился в руках и лез под куртку, скуля, а злобные твари позади рычали и лаяли, норовя вцепиться в ноги.

И тут улица закончилась тупиком.

– А-а-а-а! Помогите! – завизжала Саша, отчаянно мотая сумкой, словно кистенем.

Она, как щенок пять минут назад, вжалась спиной в забор, срывая голос. Вот только землю под забором не рыла – некогда, надо было ноги от зубов защищать!

Сухой хлопок оглушил ее. Рядом что-то прорезало темноту яркой зеленой полоской света. «Как в кино», – не к месту подумалось Саше. И лохматый вожак взвизгнул, словно ужаленный в зад. Потом еще, еще... И псы взвыли! И псы отступили! А Кислицкая без сил стекла по штaketнику прямо на руки человеку с коротким обрезом. Отборная китайская ругань сейчас звучала как музыка. А потом человек спросил на чистом русском:

– С вами все в порядке? Они вас не покусали? Я могу в больницу отвезти.

– Лучше домой, если можно, – пролепетала Саша, задыхаясь после бешеной гонки.

И только отдышавшись, она посмела посмотреть на человека. Круглая луна отражалась в глазах ее спасителя. В больших раскосых глазах. Или это он просто улыбался.

– Побудьте в доме, пока я вызову такси, – предложил незнакомец. – Собаки могли и не уйти еще.

Жестом мужчина пригласил Сашу в дом. Она сама удивилась, как легко согласилась, но потом простила себя – злые собаки ночью хоть кого уговорят побыть за закрытой дверью.

В доме было светло, но чего-то не хватало. Или наоборот – было что-то лишнее? Смутное ощущение тревоги не покидало Кислицкую. Чтобы его развеять, она стала осматриваться: одна комната, простая мебель, легкий беспорядок, остатки ужина на столе – судя по запаху, жареное что-то, небольшой белый телевизор рябил в углу напротив кровати. Все вещи словно стремились в один обжитой угол, и оставалось еще много пустого пространства, хотя комната на вид не сказать чтоб большая... «Зябко как-то», – вжала голову в плечи Саша Кислицкая, хотя еще минуту назад задыхалась, разгоряченная от бега.

Незнакомец прикрыл дверь и взял со стола телефон. Большой такой модный аппарат, тоже белого цвета. Набирая номер, мужчина ободряюще улыбнулся Саше. Та смутилась. Ее спаситель оказался высоким метисом явно восточных кровей. Широкий белый джемпер из чего-то похожего на флис. Свободные, тоже белые брюки. «Непривычно широкий вырез для мужчины», – отметила Кислицкая. Так показалось ей на первый взгляд. «Замечаю детали одежды – значит, уже оживаю». На вид ее спасителю было, наверное, лет тридцать. Хотя определить возраст азиатского мужчины сложно. Да и опыта в этом у Саши не было. Не такой старый, как Ши Тянь, – уже хорошо. Или плохо? И этот странный вырез... Мужчина тоже ее разглядывал, она заметила это и спешно опустила глаза.

– Чем вы их отпугнули? – спросила Кислицкая, чтобы как-

то отвести от себя его изучающий взгляд.

Похоже, незнакомец теперь сам немного смутился.

– Это игрушка. С трассирующими зарядами. Но очень похожа на настоящую. Купил на рынке на всякий случай. А у вас что там?..

И спаситель кивнул на грудь девушки. Саша покраснела. На что он смотрит: на помятую куртку или на что-то еще? Щенок так кстати завоzilся и полез к ней в рукав.

– Маленькая собачка, – выдохнула с улыбкой Саша и затараторила: – Она ко мне примчалась, а потом эти... выбежали. Наверное, за ней гнались, а тут – я! Я вообще собак боюсь, особенно больших. Спасибо, что распугали свору...

– Я тоже не люблю больших собак, – улыбнулся незнакомец, прерывая Сашин словесный поток.

Саша снова почувствовала себя глупо – ну явно же он сказал это, чтобы она замолчала.

– А маленькие и пушистые мне нравятся. – Мужчина смотрел на нее, все так же улыбаясь и не отрывая телефон от уха.

И что-то было в его взгляде, что заставило Кислицкую опустить глаза и затаить едва восстановившееся дыхание. Щеки предательски запылали. И уши – с ними заодно.

– Покажете, что за щенок там у вас? Трубку в такси пока не берут. Мне кажется, он рыжий.

Словно непристойное предложение делал, так сказал. «У меня совсем крыша съехала сегодня, – одернула сама себя

Саша Кислицкая. – Человек просто пытается поддержать со мной беседу, разбить лед, да еще и спас меня, по сути. А я вообразила невесть что!» И она, путаясь в пуговицах, растегнула куртку.

Щенок явно не хотел вылезать из рукава, заскулил, забился. Саше пришлось схватить его за задние лапы и вытащить. Ткань подкладки предательски затрещала. «Похоже, появилась новая статья расходов на ближайшее время. Придется купить новую куртку, если эту не починю. Навязался на мою голову, блохастый!» – в сердцах подумала Кислицкая. Блохастый ее еще и поцарапал, а незнакомец снова улыбнулся, словно мысли прочел. Наконец, щенка удалось вытащить.

– Ой, он и правда рыженький! – изумилась Саша. – Я же толком не видела, кто там меня сбил.

Узколобым, длинноносым, худолапым, взъерошенным, каким-то тощим и совсем без хвоста – вот таким оказался виновник ночных девичьих приключений. Да еще и со вздорным характером: глянул на большого человека, тявкнул на него и снова рванул было к Саше за пазуху. Девушка почувствовала, как малыш задрожал. Но мужчина бесцеремонно взял щенка за холку, развернул к себе мордой и глянул в глаза зверенышу. И недовольный дергающийся комок шерсти вдруг безвольно повис, затих. Недолюбливающей собак как вид Кислицкой стало жаль щенка.

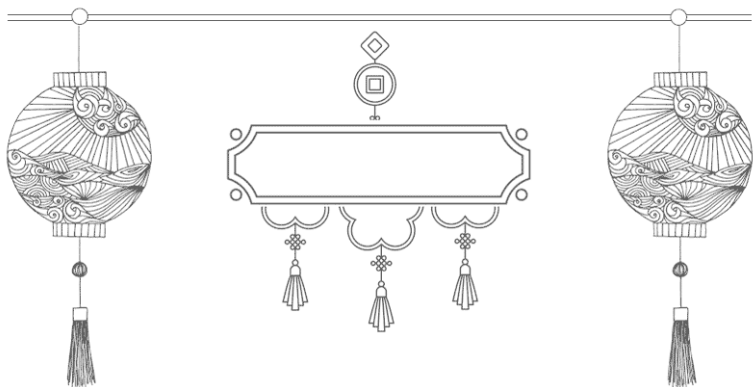
– Зверят надо брать за холку, тогда они успокаиваются, – не сводя глаз с рыжика, произнес хозяин комнаты.

Саша похолодела. Он говорил явно не с ней, а со щенком, но она почувствовала, что к ее собственному затылку словно нечто холодное приложили. Аж мурашки по спине побежали. И тут мужчина перевел взгляд на нее, улыбнулся.

– Про холку запоминайте – пригодится!

Кислицкая подхватила возвращенную собачку, и та опять ожила – полезла в рукав прятаться. Да и Саше стало не по себе – новый знакомец улыбался чуть снисходительно, как взрослые смотрят на детей, и у нее не исчезало ощущение холодного прикосновения к шее. Но тут зазвонил телефон...

Глава 2

Цветущая слива роняла лепестки. Лунный свет заливал одинокий куст на ночной поляне. Лепестки, кружась и ласкаясь, падали прямо в ладонь. Невесомые, нежные. Как хорошо здесь, почти спокойно. Но тут ветер сменился и разом вырвал лепестки из руки, они взлетели и упали камнем. Захотелось оглядеться. «На этой залитой луной поляне, под сливой, ты не одна» – смутное ощущение становится пониманием. А потом раз – и ты точно это знаешь! В самом центре лесной поляны, словно на арене, стоит дикая слива, и кто-то смотрит на нее с другой стороны. Два желтых глаза из темноты сосен. Потом еще два, и еще. Холодок бежит по

спине: «Окружают!»

Желтые огоньки парами вспыхивают то тут, то там. Кто тут, что им надо? Горло перехватывает, и даже сип не слетает с губ.

Луна очертила круг на поляне, но кто там, в темноте, за краем круга, за краем голубоватого света? Кто смотрит из сумрака, кто они, что им надо?

Два желтых огонька приближаются, и вот уже силуэт рисуется в отсветах. Ребенок, маленький ребенок. Видны его пухлые плечики, круглые щечки. Он улыбается, и щечки становятся еще круглее. Желтые огоньки – его глаза – от улыбки становятся узкими щелочками. И невозможно сдержать ответную улыбку. И тогда желтоглазый мальчик смело шагает в круг лунного света и приветливо машет рукой. Шаг, другой, третий – и он уже рядом, как быстро! И не заметишь, как он шмыгнул под сливу и оттуда, из-под нижних веток, присев, манит к себе. Улыбается, белые зубы аж с голубым отливом, а сам он, теперь точно видно, – рыжий, почти как его глаза.

Мальчик прижимает пухлый пальчик к губам: «Тсс!» – и снова манит нагнуться. Что ему надо? Но не оставишь же мальчика ночью под деревом. Однако стоило только чуть-чуть к нему нагнуться, как – о ужас! – он бросается на шею, скулит и начинает облизывать горячим шершавым языком! А запах, фу! Псина!

...Саша проснулась: найденыш стоял у края кровати и лизал ее в нос! Гадость, теперь неделю не отмоешься от запаха псины!

Она толкнула рыжего щенка, раздосадованная. Тот шлепнулся и заскулил жалостливо: «Аи-аи-аи-аи!» Переваливаясь на подкашивающихся лапках, скорее забрался под старенькое кресло у стены и, поскулив уже там, затих. Саша накрылась с головой одеялом – так стыдно ей стало. Малявка ведь не виноват...

– Маленький, ну, прости, прости меня!

Она спустила ноги с кровати, пошарила в поисках тапочек, но нашла лишь одну. И та оказалась мокрой! Из-под кресла уже ничего не было слышно. Затих, мелкий пакостник! И уже с недобрыми намерениями Саша направилась к креслу. По пути, на счастье щенка, под руку не попало ничего длинного или тяжелого.

– Иди сюда, мелочь пузатая! – торжествовала Кислицкая, предвкушая, как натыкает шкodu в тапочку носом и выгонит прочь, туда, откуда приبلудился. Он сам себя загнал в лoвушку, под старое кресло с коробом. – Я вытащу тебя за уш-

ко и на солнышко! Не-ет, за холку, как дядька вчера учил!

При воспоминании о вчерашнем Саша зябко повела плечами, а щенок вдруг заскулил, забился, словно тоже вспомнил. Она нагнулась уже к креслу, глянула в темноту, а оттуда – два желтых глаза, как в сегодняшнем сне! Вот только малыш не потихоньку вышел, а рванул вперед и – вот негодай! – снова сбил ее с ног, как вчера. И скорее под кровать!

– А ты чего на полу сидишь, Сашенька? – раздался голос Михалны.

Подслеповато щурясь, грузная квартиросдатчица стояла в дверном проеме. Она никогда не пыталась выглядеть городской жительницей: цветастый байковый халат был практически подвязан передником из полотенечной ткани, на голове – ситцевый платок; хлопковые чулки простой вязки и толстые носки завершали образ Михалны. Бабуляка бабулякой, и если бы не золотые серьги-шарики и толстое золотое же обручальное кольцо, то можно было бы принять ее за несчастное бедное существо, еще заставшее царя, а остальных уже не помнившее. Отнюдь – и видела, и слышала, и считала Михална хорошо: попробуй удержи плату за времянку! Старушка так могла зыркнуть, так сказануть, что мало не покажется. Правда, в огороде она вкалывала еще лучше, и просроченную плату можно было отработать прополкой грядок. Но грядок было так много, а контроль так строг, что лучше уж отдать деньгами... Это студентка Саша испытала на себе. Одна только слабость у Михалны имелась: аллергия на со-

бак. Потому-то нюх у ее рыхловатого носа был тонкий.

– Потеряла что-то, дочка? – не унималась квартирная хозяйка.

И оглядывать комнату начала. Саша готова была поклясться: Михална принохивается!

– Тапочку! Тапочку достаю вторую, – забормотала Кислицкая. – Вчера растеряла все в темноте.

– Ой, да. Ты вчерась припозднилась, дочка! Да еще и на такси приехала. Разбогатела? Или ухажер завелся состоятельный?

Такие вопросы вогнали Сашу в краску, а Михална, как рентгеном просвечивая, обводила взглядом комнату.

– Мне еще показалось, что вроде как собачка у тебя тут скулила, нет? А то ж ты знаешь, я собак-то не переношу, не смогу дышать. Была у меня жиличка такая хорошая, умница, платила вовремя, тихая, но устроилась работать в приют собачий, пришлось ей отказать – больно псиной пахла...

Ноздри Михалны раздувались теперь отчетливо. Она шарилась глазами, уже не скрываясь... Намек был ясен. Да какой уж тут намек – прямым текстом сказано: «Пшла вон со своей собакой, если что!»

Щенок сидел под кроватью тихо-тихо, видно, все понимал и не высовывался. А у Саши было стойкое ощущение, псиной пахнет так, что хоть топор вешай: и руки, и лицо, и погрызенная тапочка. Кислицкая видела даже клочки рыжей шерсти на обивке кресла. Благо кресло было тоже ры-

жее и рваное местами. С ужасом она ожидала, что вот-вот щеки хозяйки запыхают, глаза наполнятся слезами и разразится она чихом и проклятиями...

– Ну, ты не сиди на полу-то, Сашенька, простудишься, – сказала Михална и ушла. Спокойная, ничего подозрительного так и не учуяв.

Чудеса!

Собачонок, похоже, тоже почуял, что большая опасность миновала, но, все еще не доверяя окружающим, высунул только бусинку носа из-под дивана. Потом – худенькую лапку, вторую, мохнатые щечки с бакенбардами... Прямо как мальчик из сна, выбирался щенок из тени. Саша удивилась собственному наблюдению, но не смогла сдержать улыбку.

– Выходи, кабздох, или лучше назвать тебя Счастливым? Раз хозяйка тебя не учуяла, значит, поживешь еще у меня, пока не пристрою. – Она подмигнула малышу.

Тот сразу же выбрался полностью из укрытия и завилял несуществующим хвостом. Очень старался.

– А я-то думала, что у всех собак хвостик колечком. Или ты не собака?

Щенок заскулил, застучал лапками, и странные мысли про «собаку – не собаку» отошли на задний план перед необходимостью накормить рыжика и спрятать от зоркого взгляда Михалны. Нашлись молоко и закуска из тофу и печени – бонус от работы в кафе. Щенок с аппетитом принялся уплетать предложенную снедь, совсем не модничал, а съел закус-

ку вместе с салфеткой, которую Саша не успела убрать.

Пока он ел, Кислицкая сделала умильные, как ей показалось, фотографии на телефон – раскидать по группам приютов и дать объявление на местном «Авито»: «Найден, отдам» – и так далее... Пока же осталось решить вопрос с лотком и подстилкой, но тут, как нарочно, зазвонил телефон. И снова странное совпадение, похожее на вчерашнее.

– Александра Кислицкая? Это из деканата вам звонят. Вы прошли первичный отбор на летнее обучение по обмену в Северном Лесном университете Китая⁵ по сумме баллов, но нужно еще пройти собеседование. Оно – сегодня в 12:00 в сто пятой аудитории, корпус «А».

– Но ведь уже почти одиннадцать! – обомлела Саша.

– Потому и звоним, – отрезали на другом конце. – Без опозданий, пожалуйста. Проводят собеседование наши преподаватели и представители китайского университета. Поторопитесь. – Дальше последовали гудки.

«Ой, все!» – только и подумала Саша. И заметалась, заметалась, как лиса по курятнику. Щенок только смотрел на нее, как-то сторбившись. И задом перестал вилять.

А Кислицкая все металась по своей комнатке – от шкафа к трюмо, от трюмо к письменному столу времен детства Ильича, чудом сохранившемуся в состоянии стояния. Платье на-

---

⁵ Северный Лесной университет – место вымышленное. Но прототипом его является реально существующий Северо-восточный лесной университет – самый крупный лесной вуз в Китае. Расположен в Харбине.

деть? Так вроде компетентнее выглядишь, говорят иностранные психологи. Но в шкафу только несерьезности в цветочек. Две: старая и новая, синяя с белым и белая с синим. Блузку светлую с юбкой? Подумают, что официантка воду принесла. Джинсы с блузкой? А правильно поймут? Голова идет кругом! А на ней еще бы волосы надо уложить... «Ой, все!» – снова всплыло в непричесанной Сашкиной голове, и Кислицкая, зажмурившись, просто сунула руку в шкаф и неудачу вытащила то, что первым попало под руку. Футболка с лисичкой, последнее ее приобретение. Ну, значит, судьба! Джинсы и кеды, и волосы просто в высокий хвост собрать. Да, азиаты, говорят, любят всякие такие футболки, и чтобы с детством подольше не расставаться... Саша вздохнула, подмигнула почему-то мрачному Счастливику и, закинув сумку на плечо, умчалась...

Десять минут бега по пересеченной местности частного сектора, пять минут нервного стояния на автобусной остановке, двадцать минут тряского подпрыгивания в маршрутке, «Девушка, да вы поосторожнее машите своим хво-

стом!» – замечание недовольной тетеньки-кондуктора на выходе, рывок на третий этаж по железной лестнице, и мини-пробежка по пустым уже коридорам корпуса «А», и...

– Васильева и Кислицкая, вам вообще это надо? Вы почему опаздываете?

Секретарь деканата всегда грознее самого декана, это непреложная студенческая истина! Даже если сам секретарь меняется каждые полгода, за свои полгода власти он из кролика успеваешь стать удавом. И сейчас такой вот очередной удав гипнотизировал запыхавшуюся Сашку, и она готова была сквозь землю провалиться. А вот впорхнувшая белокурая феечка, тоже опоздавшая, но бесстыжая, как лиса в сказке, лишь картинно поджала губки, успев соорудить глазки и секретарю, и синеглазому шатену, который шагнул за ней в кабинет из полутемного университетского коридора. Парень с самыми синими глазами на курсе, Антон, кажется... И Саша потупила взгляд, ощущая себя, как в детстве, нескладной узкоглазой чернавкой с жесткими прямыми косичками, неуклюжей, неловкой.

– Ой, Анимешка, а ты что здесь? Будешь показывать карате или чай подавать?

Феечка вскинула бровь. Но тут же махнула кудряшками – больше для сопровождающего ее синеглазого спутника, чем для смутившейся однокурсницы. Ах, милым девочкам так идут хорошие манеры, а значит, надо сказать что-то приятное даже самой неприятной особе. И конечно, она сказала:

– Прикольная кофточка.

Васильева была так мила, что Саша еще больше почувствовала свою нескладность и то, что рассматривать ей положено только пол, склонила голову и... разозлилась. Высокий конский хвост собственных волос погладил ей шею, оказавшись шелковистым, и словно придал сил.

Да, Кислицкая разозлилась! Это было не новое чувство, но раньше оно пугало хозяйку, потому что непонятно, чего ожидать от самой себя злой, и потому Саша научилась его купировать, оставаясь смешной и тихой, чтобы не «поплыть»... Но сейчас – наверное, сказался недосып вчерашний – в ней затюканная нескладеха вдруг уступила медалистке и умнице. Кислицкая вскинула голову, еще раз ощутив ободряющую щекотку, и улыбнулась, поймав снисходительный было взгляд.

– Да, Васильева, ты тоже ничего так после вчерашних закидонов.

Феечка опешила: что эта вечная жертва насмешек имеет в виду? И тут же ее хорошие манеры слезли с нее, как краска с забора осенью.

– Ты тоже на собеседование? Думаешь, как репатрианта возьмут на обучение по благу, вне конкурса?

– А почему бы не использовать такой шанс? Раз природа щедро одарила, – продолжила атаку Саша, не зная, впрочем, как закончится дуэль.

Да и ладно! И сама засмеялась своей шутке. Все вокруг

тоже улыбнулись, даже Васильевой пришлось. Удав-секретарь одобрительно скривила уголок рта и велела:

– Проходите, щедро одаренные.

Саша чувствовала, что синеглазый Антон смотрит ей в спину. Конечно, спину Васильевой он наверняка уже видел в разных ракурсах. Да и ладно, ведь за свеженькой, недавно поставленной после ремонта дверь в кабинете Кислицкую ждет испытание поважнее перепалок со смазливymi однокурсницами...

Ох, как предчувствия ее не обманули! Сделав шаг за порог, еще даже не рассмотрев экзаменаторов, Саша почувствовала холодок на затылке. Тот самый, какой был вчера при странной встрече. И не напрасно, оказывается: одним из трех экзаменаторов оказался вчерашний китайский «принц в белом». Он стоял у окна и смотрел на улицу, куда-то вниз. Только теперь вместо просторного джемпера на нем был синий замшевый пиджак. Волею судеб Кислицкая видела достаточно обычных гостей из Поднебесной в родном институте. Вот где мужская полнота обычно не пряталась, а считалась достоинством, если человеку уже исполнилось тридцать! Но вчерашний знакомец был далек от восточного идеала⁶ и явно тянулся в сторону западного: широкие плечи, ни

---

⁶ В традиционном китайском искусстве идеал мужской красоты – юность, утонченность, изысканность. В современном представлении внешне красивый молодой мужчина высок ростом, худощав, с немного детскими чертами лица. Маскулинность не приветствуется. Развитая мускулатура, как и смуглая кожа, воспринимаются скорее как признак того, что человек работает физически. А значит,

намека на «комок нервов» на талии. Китаец производил впечатление яхтсмена-миллионера под прикрытием. Что так заинтересовало его среди тополей и щербатого асфальта, осталось для Саши загадкой.

Тут он повернулся в сторону входящих – Васильева зашла следом, а Саша поспешно опустила глаза, чтобы не видеть, узнал ли представитель китайского университета в кандидатке вчерашнее горе-приключение с собакой.

Девушки потоптались в дверях: Лиза – из ложной, Саша – из искренней растерянности.

– Проходите, присаживайтесь, – раздался родной и до боли знакомый голос их преподавателя по органической химии.

Он был вторым, кто проводил собеседование. Третьей особой оказалась не улыбочивая круглолицая китайка.

– Девушки, у вас хорошие анкеты и одинаковые баллы по предметам. Вас таких на четыре места в Северном Лесном университете – пятеро. Кого-то придется отсеять. Расскажите нашим китайским коллегам, почему именно вы, а не кто другой, должны поехать к ним учиться.

– На китайском, пожалуйста, если можете, – с правильной русской интонацией добавила строгая дама без тени улыбки, указывая на стул рядом с собой.

недостаточно богат, или образован, или аристократичен. В Китае есть даже термин для современных красавчиков, похожих на айдолов К-рор. Китайские СМИ прозвали таких мужчин ### (xiǎo xiāngòu) – «маленьким свежим мясом». Мужчина за тридцать уже не должен быть худым, это несолидно.

– По-русски тоже можно. – Голос знакомого незнакомца звучал ободряюще, а мурашки по затылку Саши поползли сильнее.

Лиза Васильева лучезарно улыбнулась и пошла на мужской голос, заявив при этом:

– О, я могу еще и написать!

А Кислицкой досталось то, что осталось. Краем глаза она успела увидеть, как благосклонно посмотрел на красотку «яхтсмен». А та, закинув ножку на ножку, принялась что-то писать на любезно придвинутом блокноте.

– Расскажите о себе, – мягким голосом попросил «принц в белом» милую феечку.

– Вы – тоже. – Любезности в голосе китайки, обратившейся к Кислицкой, было значительно меньше.

– Мой китайский не слишком хорош, – начала было Саша по-китайски, как всегда делала⁷. Но ей не понравилось мямлить.

Она тряхнула хвостом, раз уж это ее счастливое движение сегодня, и вновь ощутила шелковое прикосновение к шее. И ее понесло:

– В общем, я изучаю китайский язык с первого класса по китайским фильмам, затем в школе факультативно и по са-

---

⁷ По правилам хорошего тона, принятым в Китае, необходимо проявлять как можно больше скромности, приуменьшая свои знания, умения, навыки, свою роль в достижениях. Особенно приятно жителям Поднебесной слышать заверения о том, какой сложный китайский язык, если это говорит иностранец, но с хорошим произношением.

моучителю, а мама говорит, что это язык моих предков и он должен быть у меня в крови. Погружение в языковую среду – это самый эффективный способ довести язык до совершенства. А я обязана стать совершенной в своем деле: мои родители ждут от меня этого. Обучение в вашем университете поможет не только углубить знание языка, но и расширить международные контакты, завести нужные знакомства и убедиться, как далеко шагнул в развитии...

– Достаточно, – прервала экзаменатор, так и не улыбнувшись.

На ее круглом, как луна, лице не промелькнуло ни одной эмоции. Зато у Кислицкой – паника-паника-паника-паника, и не зря.

– Можете идти. Нам надо посоветоваться. О решении вам сообщат дополнительно.

«А Васильева вон вся купается в лучах доброжелательности!» Опять по позвоночнику заскользили мурашки. Феечка действительно выглядела довольной, а китайский экзаменатор в открытую ей улыбался, сложив в нагрудный карман листок, который она исписала...

– ...Короче, Сашка, тебя не взяли? – Сменщица Леся рубанула правду-матку.

Ах, эта бедная правда, никто ее не любит, все ее рубят и режут!

– Да?

Кислицкая шмыгнула носом. Она не собиралась придти сегодня на работу, но с кем-то же надо было поговорить, посоветоваться, кому-то выплакаться. Правда, про щенка и романтическую историю знакомства с преподавателем, который ей предпочел Лизку, Саша умолчала.

– Не совсем. Сказали, что мы все должны сдать еще что-то там уже в Китае, на месте. Проезд и проживание за свой счет. А у меня денег нет и взять не-е-е-е-е-е-е-е-е-где... – Вот тут Кислицкая и расплакалась.

– Родители не помогут? – спросила Леся.

Саша отрицательно качнула головой.

Родители! Она первым делом набрала мамин номер, как только вышла из аудитории. И тут же спрятала телефон за

спину – недосмартфоном от «Нокиа» не станешь гордиться, когда мимо проплывают пижоны с «Айфонами». Хотя и звонок, и динамик, и вибро у твоего аппарата безотказные, и в ладошке он удобно помещается.

Проводив Васильеву взглядом, Саша таки приложила телефон к уху. «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети». Самые страшные слова в эпоху мобильной связи. «Мама, помоги, перезвони!» – набрала Кислицкая эсэмэску и сообщение в «Вотсап», и на электронку тоже бы написала, но ее добило ответное сообщение: «На вашем счете недостаточно средств». Все, надо идти и пополнять хоть чем-то баланс телефона и собственный желудок.

Служащим в «Серебряной луне» разрешалось перекусить раз в день за счет заведения – экономить пора было начинать уже сейчас...

– Кредит на образование? Да кто ж его тебе даст... Занять не у кого... – уже констатировала напарница, глядя на Кислицкую.

Саша вот прямо слышала тонкий стеклянный звон – так

разбиваются о суровые слова ее тайные чаяния.

– А платить-то когда?

– «Есть неделя, чтобы решить финансовый вопрос», – процитировала комиссию Александра.

– Вот на неделю и отложим слезы, – резюмировала Леся. – Там за твой столик клиенты пришли. Иди давай. И да, скажи, сколько надо-то?

Саша назвала сумму – немалую, учитывая колебания курса, – но уже от заданного подругой вопроса слабая надежда затеплилась где-то в глубине сознания Кислицкой.

За столиком суши-бара «Серебристая луна», в зоне «С» – «Сашиной», как называли ее, – сидел молодой китайский мужчина в синем замшевом пиджаке и ждал, пока его обслужат. Да-да, сколько бы Саша ни жмурила заплаканные глаза, изображение не менялось – преподаватель из Северного Лесного университета Китая сидел и не собирался уходить.

– Здравствуйте еще раз, – радушно улыбнулся он ей. – Как ваш вчерашний найденыш? Щенок жив-здоров-доволен? Простите, что на экзамене сделал вид, будто вас не знаю. Не хотел смущать коллегу. И вас.

Голос его звучал завораживающе. Мужчина был совсем не похож на тех китайцев, которые слишком громко смеются, слишком вальяжно носят европейские костюмы, слишком серьезно работают и слишком громко чавкают, выражая таким традиционным для них способом свои комплименты повару.

Правильные черты лица и прямая спина, холеные руки и отточенные манеры, светлые глаза необычного серо-желтого цвета, строгая стрижка и мелодичный негромкий, но сильный голос производили впечатление. Мужчина и сам, наверное, об этом знал. И Саша растаяла бы, впечатленная, как в кино, если бы не снова вот это мерзкое ощущение холодка на затылке.

– Что заказывать будете? – спросила она, старательно не глядя в глаза гостю. Так словно ослабевало его гипнотическое обаяние.

– Меня зовут Ли. Ли Чжан⁸.

Мужчина снизу вверх смотрел на Сашу. Надо было признать, он красив и для китайца, и по европейским стандартам. Но сейчас Кислицкую это скорее бесило, чем радовало.

– Вы выбрали что-то, господин Ли Чжан? – Кажется, ей понравилось дерзить. Если это можно было назвать дерзостью, конечно.

– Я только хотел сказать, что у меня есть список дисциплин, которые вам пригодятся на последнем этапе отбора в мой университет, – не дал себя сбить Ли Чжан. – И что у вас,

---

⁸ В Китае принято сначала указывать фамилию, а потом имя. Вместе с фамилией можно называть и профессию, тогда имя говорить необязательно. В современной молодежной культуре имя и фамилию молодые люди при первом знакомстве не говорят, предпочитая «юзернеймы» сети «Вейсинь». Представляясь подобным образом, герой не только дает понять, что интересуется Сашей всерьез, но и делает аллюзию на «бондиану», заявляя, что знаком с западными ценностями тоже. Бессмертная фраза «Бонд. Джеймс Бонд» в местном адаптированном варианте звучит так: «Ки. Линглинг Ки».

Саша, прекрасное произношение, а блондинки мне никогда не нравились. Я принесу вам список вечером. Куда подъехать? Или вы работаете вечером здесь, как примерная дочь, помогая родителям?

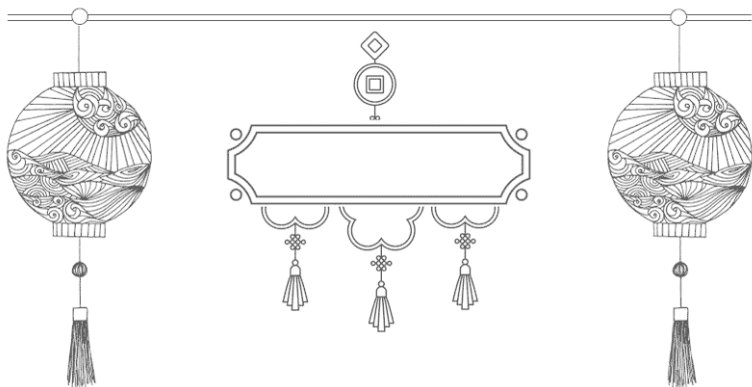
«Он что, свидание назначает?» – опешила Саша, но вслух спросить не успела.

– Да, если вы не против, – очень в тему озвучил ответ мужчина.

Или это все-таки завуалированный вопрос? Или утверждение? Или что-то вроде извещения? Словно мысли ее прочитал. Сама галантность, надо же! Может, у него денег занять, раз он так хочет, чтобы Саша поехала?! Она так подумала и сама ужаснулась: мысль была словно не ее, чужая. И если бы не прикосновение ее «хвоста», паника снова заморозила бы сознание – ну, охладила бы уж точно.

– Я оставлю меню, позовете, как выберете, – профессионально съехала с темы Кислицкая и убежала в подсобку, надеясь, что просто быстро идет и сохраняет достоинство.

Глава 3

Счастливец весь день сидел один, но даже не нашкодил. Ни лужи, ни кучки, ни погрызенных вещей. Он забился в угол за шкафом и не вылезал оттуда даже сейчас. Только два желтых глаза пристально смотрели из тени зашкафья на тербившую в задумчивости свой хвостик девушку.

Саша сидела на кровати во времянке и пребывала в какой-то прострации – впервые день шел не так даже в мелочах. И неясно, хорошо это или плохо. Квартирная хозяйка ни слова не сказала при встрече. Так и не заметила щенка-нелегала, видимо. День определенно был странным. Все вокруг изменилось после...

Саша задумалась: после чего именно ее размеренная серенькая жизнь стала вдруг нестись разноцветными скачками вприпрыжку сразу во всех направлениях? Но думать как-то не очень получалось – мешали бабочки в животе, холодок на затылке и тиканье хозяйских ходиков. Еще вчера она была жертвой насмешек, как обычно, дурнушкой, но умницей-студенткой – тоже как обычно. Сегодня же утром она впервые в жизни завалила собеседование – обидно до слез. Но и получила приглашение на свидание с аспирантом Ли Чжаном – впервые в жизни. Она потеряла шанс бесплатной стажировки за границей – разбитые мечты о шансе попробовать пожить в месте, где никто не сочтет ее необычной из-за внешности. Но и поймала уважительный взгляд красотки Лизки и ее приятеля – стоило только дерзко ответить. Был еще разговор с подругой – Леськой, – совершенно точно давший понять, что шансов законно найти денег на поездку нет. И тут же случился вызов к хозяину Ши Тяну.

– Саша, – сказал он сегодня, поглаживая свою длинную тонкую бороденку.

Когда день не ладился больше обычного, Кислицкая считала, что бороденка эта козлиная. В день зарплаты те же самые волосы на подбородке становились бородой джинна, а в момент премии – бородой сенсея из кунг-фу фильмов. Сегодня борода была в трех ипостасях сразу.

– Я хочу с тобой поговорить. Пойдем.

Робея, Саша прошла в кабинет хозяина, не зная, чего там

ожидать, и словно в китайскую сказку попала.

Затейливые узоры из неровных завитков покрывали потолок и верхнюю часть стен: серые, белые, нежно-голубые. «Облака и туманы», – поняла девушка. Каменный лев сидел у двери. Большой тяжелый стол темного дерева стоял посреди комнаты, а рядом, только шаг сделай, лежанка из белого шелка, расшитого теми же облачными узорами, что и на стенах. Большая напольная ваза с другой стороны стола. И там тоже облачные завитки. В вазе – огромная белая хризантема. Ни окон, ни других дверей, ни большого сейфа, разве что они спрятаны за раздвижной ширмой в углу. Пахнет специями и водой одновременно, не сыростью, а водой. Сверчок стрекотал, заставляя забыть о существовании города за этими стенами. И освещалось все в комнате несколькими светильниками-чашами, направленными вверх.

И Саша уже была готова удивляться, если бы не заметила вовремя: хромированные ножи, электрические розетки, ноутбук и цифровая фоторамка в момент делали сказочный мир современным. И совсем уж отлегло у нее от сердца, когда Ши Тянь, обойдя хризантему, сел в офисное кресло босса на вращающейся ножке. Ей он присесть не предложил.

– Саша, я давно наблюдаю, как ты работаешь, – начал Ши Тянь издалека. – Ты хорошо работаешь. Трудолюбие, скромность, сдержанность – прекрасные добродетели даже для мужчины. Для молодой девушки они – бесценны.

«Ой, все!» – в который раз за этот день подумала сокро-

вищеимеющая девушка Кислицкая.

– «Цветок, распустившийся в непогоду, – вот редчайшая драгоценность»⁹, – только это вспомнила Саша, в тон вещающего начальника. – А я просто выполняю свой долг, как учили родители. «Выполняй обязанности, сохраняя спокойствие, и ты...»¹⁰

Она сама не поняла, как это мысли вдруг оказались произнесенными словами, но явно же она проболталась, раз старик сказал:

– ...И я тоже смотрел «Мулан»¹¹. – Ши Тянь подергал себя за бороду и снова рассмеялся. – Наряд героини там совсем не похож на аутентичный. Но что взять с этих лаоваев¹²

---

⁹ Цитата из диснеевского мультфильма «Мулан».

¹⁰ Цитата из диснеевского мультфильма «Мулан».

¹¹ История о Мулан – экранизация очень известной в Китае легенды, которую, по мнению жителей Китая, диснеевская студия пересказала слишком вольно. В оригинале главную героиню зовут Хуа Мулань, «магнолия». Девушка, сменившая женскую одежду на мужскую и ушедшая в армию, чтоб спасти отца, для китайцев как Жанна Д'Арк для французов – символ патриотизма, освободительного движения и верности традициям. В частности, конфуцианским добродетелям. Первое упоминание о ней относится к XII веку. К примеру, Мулань, как героиня традиционной лирической поэмы юэфу, проявляет два из пяти главных качеств благородного человека – Жень и Синь, человеколюбие и искреннюю доброту. Кроме того, она придерживается других важных принципов для конфуцианцев: Сяо (почитание родителей), Чжун (верность) и Юн (храбрость). Главное новшество, которое привнесла эта песнь в китайский фольклор, – одно из первых упоминаний в китайской истории идей о равенстве между мужчиной и женщиной. А у студии «Дисней» получилось все слишком легковесно, считают жители Поднебесной.

¹² Лаовай, ## (láowài) – иностранец. Чаще всего это человек европейской внеш-

из Диснейленда?! Варвары, одно слово. А людей, воспитавших тебя, стоит похвалить. Одного лишь тебе недостает для внутренней гармонии...

– Денег на учебу?

Кислицкая подняла глаза. Ах, Леська, ах, медведица! Проболталась Ши Тяну, пока Саша уходила в зал!

Старик смотрел на нее сощурившись, плохо пряча улыбку в бороде, и кивал... Даже не улыбку, а улыбочку. И нехорошие мысли зашевелились в голове девушки. Зачем она заговорила про деньги? Вот ведь, ляпнула не подумав, а ведь это высказывание можно толковать так двояко, так двусмысленно, так неприлично, что... «Ой, все!»

Саша попятилась к выходу: шаг, еще шаг – и наткнулась спиной на каменного льва! Он преграждал ей путь, и глаза статуи ничего не выражали. Только Кислицкая поклясться была готова, что стоял этот истукан раньше совсем в другом месте.

Ши Тян достал из стола сигарету и закурил, наблюдая за реакцией жертвы. Да, Саша почувствовала себя жертвой, но не впадать же в панику сразу! Может, каменюка все же стоял здесь, а она просто не рассчитала шаги.

– Это вам Лесья рассказала? – решила потянуть время Кислицкая, а сама сделала маленький шаг в сторону. – Да, я хо-

---

ности, любой, кроме китайца. Правда, если человек не относится к славянскому или англосаксонскому типу, а имеет темные волосы и глаза, приближаясь к азиатскому типу, да еще и говорит по-китайски, может сойти за уйгура, жителя Внутренней Монголии.

тела бы поехать на стажировку в Китай от своего университета, но это финансово затруднительно. – Еще шажочек в сторону.

Краем глаза Саша следила за львом. Ничего не происходило.

– Я имел в виду взгляд в себя, уверенность в собственном избранном пути, раскрытие собственной сущности, – продолжил босс, пуская колечки дыма. – Но деньги – тоже хорошо. Так наш разговор станет конкретным и быстрым. Я тебе – деньги, а ты сделаешь мою жизнь более радостной.

Сказать, что у нее отвисла челюсть, – ничего не сказать! Домогательства в суши-баре? Студентка и старикан? Тут даже Саше смешно стало – не страшно, а смешно, – и, тряхнув хвостом, она засмеялась открыто. Ласкающее движение волос на шее – как это все же вдохновляет сегодня! Но тут же Кислицкая осеклась, когда увидела, как беззвучно сделал шаг ей за спину вырезанный из мрамора лев, отрезая путь к отступлению. Вот тут уж пришла очередь старикану посмеяться над дерзкой девчонкой.

– Тихо, тихо, – произнес Ши Тянь.

Зверь покорно принял первоначальную позу, да еще и у стены, как положено статуе. Саша, однако, сама чуть не села на красный пол комнаты.

– Поосторожнее там, – то ли ей, то ли статуе добавил старик. – Непочтительно смеяться над старшими, не дослушав к тому же.

Ши Тянь развернул к девушке простую белую цифровую фоторамку. Оттуда взглянула она сама, собственной персоной, но – в чужой одежде! И что самое странное – в мужской! Стриженные модной рваной линией волосы, длинные для парня, если только он не анимешник; золотая серьга в ухе, яркая кожаная жилетка на голое тело – определенно это не Кислицкая, у нее и вещей-то таких отродясь не было, не говоря уж о золотых серьгах в не проколотых, кстати, ушах.

Но лицо – ее лицо!

Босс перелистнул изображение, и паренек с девичьим лицом, тоже щуплый, как Саша, уже изображает воина у-шу. Еще щелчок пальцем по кнопке – и он на большом вокзале, с чемоданом, машет рукой, улыбаясь. Еще щелчок – он в мантии студента со стопкой учебников в руках. Еще клик – и «селфочка» с какой-то азиатской раскрепощенной девичьей на фоне панорамы ночного города. Клик – и снова Сашино лицо крупным планом (жуткое это ощущение – видеть себя там, где тебя точно не было никогда), а на заднем плане знакомые до боли иероглифы на портике здания: «Северный Лесной университет».

– Это мой сын, – просто сказал начальник.

Не оправившаяся от многочисленных шоковых ударов сегодняшнего дня Саша смотрела на фотографию и просто слушала.

– Он учится в том же университете, куда ты собиралась поехать. Точнее – числится. Недавно я получил письмо и

очень расстроился. Сын огорчает меня результатами учебы и поведением, а также разоряет. Если он не сдаст экзамены, то все те деньги, которые были отданы за учебу, окажутся просто потрачены зря. Его выгонят с позором. Мой сын, мое вложение в будущее, не оправдывает надежд, покрывает голову родителей пеплом позора...

«Вот если он сейчас встанет из-за стола и окажется в одеждах даоса, я точно буду знать, что сошла с ума», – решила для себя Саша и на всякий случай слегка покивала в такт словам начальника. Щекотка не давала ей потерять ощущение реальности.

– Ты похожа на моего сына как две капли воды, как тут говорят.

Ни белых одежд даоса, ни оранжевой рясы буддиста на Ши Тяне не появлялось.

– Я оплачу тебе дорогу, а ты сдай экзамены за моего сына. Это честная сделка. Ты справишься, потому что я наводил справки о твоей учебе.

Сумасшедший день, сумасшедший старик, сумасшедшее предложение, сумасшедшее все! Бедная нескладная маленькая девочка, забитая жизнью, сидевшая внутри Саши Кислицкой, сейчас разревется; еще чуть-чуть в том же духе – и у реальной Кислицкой затрясутся руки, польются слезы, как в детстве. Голова уже начинала кружиться. Жизнь вокруг сегодня не поддавалась осмыслению. Нужно было срочно увидеть что-то обыкновенное, чтобы привычный мир остался

привычным, зацепиться за простое, как за якорь, чтобы не унесло в туманную даль, полную, быть может, чудовищ...

И Саша резко обернулась – каменный истукан должен стоять у двери. Стоит? Да, стоит. Отлично!

– Я должна подумать, потому что, потому что... – С каждым словом она делала шаг назад, как в старых комедиях, где все и так понятно, но все делают вид, что не замечают, как герой технично сваливает. – ...Потому что предложение странное. И рискованное, и незаконное.

– И хорошо оплачиваемое, – улыбнулся старик, докуривая свою сигарету. – Подумай, конечно. Но недолго.

Он легко шевельнул пальцем, и каменный лев повернул голову к девушке, уже добравшейся до выхода. Конечно, ее ветром сдуло тут же. А Ши Тянь смеялся в усы и в свою дивную трехпостасную бороду. Саша чувствовала это спиной.

«Я соберусь и уеду к маме в деревню на каникулы! У меня сданная сессия и каникулы. Мне нужны каникулы – я схожу с ума от перенапряжения! Фиг с ним, с заграничным университетом! Будет еще стажировка когда-нибудь. Я просто переработала и уеду к маме в деревню на лето!» – твердила она себе, пока петляла коридорами из кабинета Ши Тяна к служебному выходу.

Темный коридор, заваленный чем попало, боковые входы – бухгалтерия, склад, кухня, подсобка, санузел, еще что-то, – идти три минуты, бежать – две. В хорошие дни Саша с закрытыми глазами могла пройти по нему на спор, не за-

дев ни одной торчащей в проходе вещи, да еще и с сетом суши в руках. Сегодня коридор вытянулся в какой-то удушливый тесный тоннель с мерцающим светом, и был ли в конце этого тоннеля выход, свет или хотя бы поезд, Кислицкая не представляла. Зато живая голова каменного льва торчала из незакрытого дверного проема кабинета Ши Тяна вполне реально. Торчала и пялилась на Сашу. Что-то лезло под ноги, мешая идти, и ручки дверей, словно сучья в лесу, норовили ухватить за одежду. Долго, как долго бежать к выходу!

Саша зажала рот, чтоб не взвизгивать, когда распахивалась то одна, то другая дверь сбоку, а потом ощутила, что пол уже начал раскачиваться под ее ногами, а коридор – извиваться. Тут никогда не было поворотов, а сейчас вдруг вылез острый угол! Да и он – движется! И в него-то она и врубилась, только и успев выставить вперед руки. И снова взмах ее собственного хвоста кольнул в шею и успокоил, тут же звон разбитого стекла привел в чувство окончательно: «Да это ж просто шкаф новый! – поняла для себя Саша. – Неудачно выставленный в коридор шкаф! Для бухгалтерии! Блин! У меня паническая атака! А потом если расскажу о своей панике когда-нибудь хоть кому-нибудь, то добавлю: „Вот как важна для девушки правильная прическа!“ – Она с улыбкой провела по волосам и с удовольствием намотала прядь на палец. – Вот оно, реальное, обыкновенное, настоящее. Я, я сама, мое, то, что не подводит и не кажется». И она огляделась в поисках чего-то, что разбилось. Прямо под ногами лежали

два блюда. А в проеме кабинета стоял Ши Тянь и держал в руках чайную пару. Странно так держал, зажав посуду между ладонями.

– Да расставили тут шкафы в коридоре, ни пройти, ни проехать! – возмущилась Саша с веселой злостью в голосе. И голос тоже был настоящий. – В бухгалтерии места, что ли, не нашлось?!

И тут же свет перестал мигать, а из ближайшей двери выглянула главбухша, дородная молодая южнорусских кровей хохотушка.

– А ты смотри куда идешь! Повылазило, что ли?! И иди, куда смотришь! У тебя премия в процентах от заказов! И за чашки вычту!

Мир снова становился знакомым.

И Саша Кислицкая, вот как была, в джинсах и футболке с лисой, с волосами, забранными в такой успокаивающий сегодня хвост, вышла из темного коридора в боковую дверь сразу за шкафом и бухгалтерий.

Зал суши-бара «Серебристая луна» был полон света и не полон посетителей. И девушка, радуясь этому свету, простоте объяснений сегодняшних странностей и будущим каникулам у мамы, села за столик не как официантка, а как клиент, желающий кофе. Прекрасное, новое, свободное состояние – и целые каникулы в простоте и спокойствии, и никаких переживаний и стрессов больше! Хватит паники, хватит грусти – только волосы в задорный хвост на макушке и улыбка. И

почему она раньше не делала себе хвост?!

Но нет: без стрессов не бывает. И новый стресс имел ярко-синие глаза и брутальную стрижку. Антон – да, Антон, но без своей феечки Васильевой – появился в дверях «Луны» под звук дверных колокольчиков, как и положено в азиатском общепите. А потом он прошел мимо улыбающейся не ему, а себе Саше, замедлил шаг и, как старой знакомой, по-приятельски кивнул: «Привет!» Вот тут-то и появились бабочки в животе, щекочущие под кожей крыльями сердце где-то снизу.

– Что, собственно, было-то?! – спрашивала сейчас себя Кислицкая, сидя по-турецки на кресле дома, во времянке.

Сливы за окном роняли лепестки на землю. Так, два куста всего, и цветут лишь несколько дней, но разве этого мало? Весь год потом вспоминаешь эти два дня нежно-зеленых метелей. И улыбаешься, вспоминая.

– Собственно, ничего и не было-то. Но кажется, что я стала легкой-легкой, как вот эти лепестки сливы, Счастличик, понимаешь?

Щенок завозился в своем темном углу.

– И если бы я была сейчас маленькой собачкой, то завиляла бы хвостом, вот так... – Саша потрясла головой, чтобы еще раз почувствовать, как шелково хлещут по шее волосы.

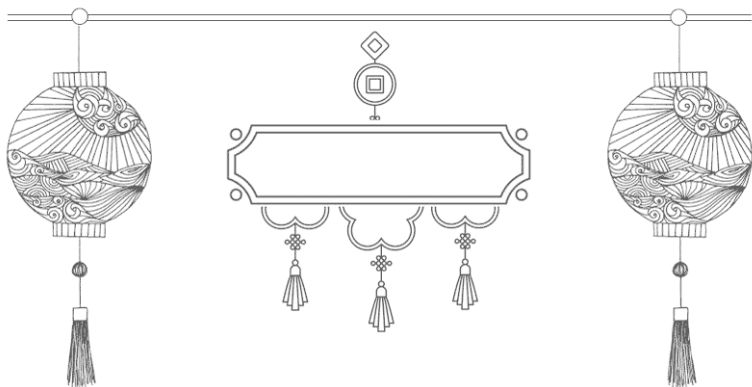
Счастличик выбрался из укрытия – одна лапка, другая, мордочка – и, склонив голову набок, посмотрел на хозяйку. Саша тоже на него глянула. И обомлела.

У рыжего сильно поредела шерсть. Да так, что бледная кожа просвечивала. Но самое главное – у щенка отрос хвост! Нет, не колечком закрутился, конечно, но десять сантиметров рыжей метелки с белым треугольником на конце сейчас висело, и это было невозможно.

Купированный хвост отрос за ночь! Как будущий охотвед с четверкой по курсу биологии и курсу ветеринарии, Саша Кислицкая знала: этого не может быть! Хвосты отрастают только у ящериц, а собаки к регенерации потерянных частей тела неспособны. Но вот он, отрастающий рыжий хвост!

И тут же сквозь закатные лучи солнца и трепетную завесу белых лепестков прорвался заунывный собачий вой.

Глава 4

Мягкая редкая шерстка Счастливого выпадала даже от легкого прикосновения. Длинные волоски оставались на пальцах, скатывались в комочки, когда Саша гладила щенка. Одно такое движение стоило маленькому сильно прореженной дорожки на спинке, но только от поглаживания он переставал дрожать и поскуливать. Мордочка осунулась, еще больше заострилась, глазки больные, мутные, носик сухой. Щенок дрожал всем тельцем, хотя кожа под шерсткой была горячей. Он даже дышал с трудом, с посвистом. Новый же отросший хвостик торчал вызывающе: рыжий, яркий, пушистый.

Саша гладила малыша и чуть не плакала, видя, как под ее ладонями он успокаивается, закрывает глазки и впадает в какую-то болезненную тревожную дрему. Но стоит убрать руку, как Счастливчик снова дрожит, и кажется, что он вот-вот отойдет к своим щенячьим богам. Ни еды он не хотел, ни воды не принимал, только жался к хозяйке, пачкая своими ошметками шерсти. И запаха собачьего не было.

– Миленький, не умирай, – шептала, чуть не плача, Кислицкая.

Щенок, которого она вчера и знать-то не знала, сейчас грелся о ее руки и был ей дороже всех парней и сентиментальных приключений. Она положила Счастливчика на свою кровать и улеглась рядом, чтобы малышу было теплее, и тот, завозившись вначале, пригрелся, задышал спокойнее и уснул. Тельце уже не дрожало зябко, ровно поднималась и опускалась спинка, раздувались бока в такт выровнявшемуся дыханию Счастливчика.

Чужой сон – лучшая колыбельная.

– ...Сестричка! Сестричка! – звонкий детский голосок

вдали.

Ах, как сладко пахнут нагретые солнцем травы. Высокие-высокие, выше макушки, они щекочут шею, когда их раздвигаешь. То и дело осыпают тебя зелеными колючими зернышками.

– Лисичка-сестричка! Где ты прячешься? – не унимается голосок, переливаясь смехом.

Пригнуться, лечь на землю, затаиться и лежать тихо-тихо – он и не заметит! А потом я как выскочу, как выпрыгну, как начну трепать – полетят клочки по закоулочкам! Вот смеху-то будет! Как всегда! Папа с мамой пожурят-пожурят – и сами будут с нами играть! Все, идет! Прячусь!

Трава щекочется, лезет в нос, сейчас не выдержу, чихну! Ой, апч-фус-пус! Заметил, заметил! Убегаю! Лови! И только трава засвистела – догони меня, попробуй! А он уже снова зовет: «Лисичка-сестричка, выходи!» – и хохочет, хохочет-заливается. Но голосок его начинает меняться: грубеть, темнеть. И уже не хохочет, а гортанно смеется: «Выходи играть, если не боишься!»

Нет, я не боюсь! Вот задам тебе, чтоб не пугал! Что это? Трава желтеет и вянет на глазах, туча находит на солнце, и дымом запахло. Куда бежать, куда? Вот он, вот он, мой братик, с которым мы играем: мелькнул тенью в высокой траве! Бегу. Бегу уже, подожди! Ждет.

А-а! Большая рыжая песья морда скалит зубы и рычит на меня. Это не братик! Это смерть моя! Ай, собака, ай! Мама,

папа, спасите!

«Беги, дочка, беги к нам!» – голоса в зарослях травы, тени в зарослях травы, огонь в зарослях травы. И пес бросается на меня, щелкнув зубами. Три рыжие молнии из зарослей травы кидаются ко мне, ветром проносятся мимо, отгоняя зубастую рыжую смерть. Отгоняя, потому что с ними – огонь! Он бежит по их следам, и тварь боится огня и воет от страха. А огненные молнии убежали, убежали: остался только дым и черные полосы сгоревшей травы. Никого, больше никого вокруг.

Где, где вы все? Но они же меня найдут, правда? Я не боюсь, почти не боюсь, я буду ждать.

Солнце вышло из-за тучи, пригрело. Я дождусь...

«Странный сон, – подумала Саша, не открывая еще глаз. – Словно не мой, а чей-то. Хотя сегодня у меня все странное и не мое». Но Счастличик лежал рядом теплым комочком, спокойно дышал – не надо даже смотреть, и так понятно, что щенку полегчало. Осторожно привстав, словно рядом лежал маленький ребенок, а не щенок, Кислицкая собралась было

спустить ноги на пол. Взгляд невольно упал на собачонка под боком: тот лежал на спине, раскинув лапки, как младенец.

Невозможно не улыбнуться, когда видишь такое. Пусть даже оно сильно полинявшее и облезлое. Овсянка, витамины и ветеринар должны помочь, обязательно помогут, а свежий воздух в маминой деревне вообще от всего лечит, малыш!

Тут только Саша заметила, что под голым розово-белым пузиком щенка между задних лапок ничего нет. «Вот так Счастличик! – снова улыбнулась она. – Да ты у нас барышня, оказывается! Так даже лучше: дамы, они живучее! Значит, будешь ты Лаки!»

Щенок так и не заметил, что хозяйка встала: видно, так намаялся, бедный, что спал без задних лап. Зато Саша заметила, что тревога ушла. С бедой надо переспать, не зря же говорят.

Солнце еще не село, да и на часах всего половина четвертого. Впереди последняя рабочая смена и долгие каникулы, хоть и без поездки в Китай. Жизнь потихоньку налаживается, верно, милая Лаки?!

Скрипнула калитка за окном. Противно, словно вскрикнула старуха. Михална собак не держала, потому и петель не смазывала – какая-никакая, а входная сигнализация. Да такая получилась она визгливая, что на всю улицу слышно, что кто-то сунулся в зеленую калитку.

Тут только Кислицкая обратила внимание, что еще и собаки лают, до хрипа, до исступления, словно готовы скорее

задохнуться, срываясь с цепи, чем смолчать, стерпеть присутствие чужака на своей улице. Впервые вой и истеричный лай такой мощности стояли на улице. Когда выбивалась из сил одна из псин, ей давали отдышаться другие, срывая голос до бульканья пеной, но брехня не прекращалась ни на мгновение, становилась общим шумом, который сразу и не различишь спросонок.

Саша глянула в окно, но если гость и был, то, наверное, уже прошел в дом. Зато на пороге времянки возникла Михална. Ведьма, как есть ведьма – все время появляется неожиданно. Вот и сейчас старуха стояла в двери, уперев руки в боки, а взгляд – в кровать, где лежал щенок.

«Ой, все! Увидела!» – только и успела подумать Кислицкая.

– А ты, дочка, когда съезжать-то собралась? – без предисторий уточнила старуха.

– Завтра, – сама для себя решила тоже не тянуть квартирантка. – Сегодня смену отработаю, вещи соберу и утром уеду. Потерпите?

Михална вскинула переципанную в молодости бровь.

– Что так резво-то? Ты ж вроде еще какие-то экзамены хотела сдавать, чтоб в заграницы ехать? Или квартиру другую нашла, подешевше?

Саша опешила:

– В смысле? Вы ж сами сказали, что с собакой нельзя!

– А у тебя собака? Где? – Михална, подняв уже и вторую

бровь, оглядела комнату.

Лаки лежала все там же, на диване. Только теперь повернулась на бок и смотрела на старуху во все свои рыжие глаза.

Бабка нахмурилась, еще раз зыркнула на Сашу, потом ухмыльнулась:

– Да ладно шутить. Шила в мешке не утаишь, собачатины от меня не скроешь – я б давно запах почувствовала, будь твоя собака хоть невидимой. Я про что думаю: ежели тебе дорого у меня, то я скину со следующего году, то есть с осени, кады вернесся. Только ты, дочка, – Михална понизила голос до полусшепота, как делают заговорщики, – мне из Китая шубу привези. И чтоб не собачью, а то я местным на рынке не доверяю. – Михална хитро прищурилась. – Лисью. Ладно-ть? Я тебе уж и денег принесла. Там же дешевле стоит, говорят.

Старуха полезла в бездонный карман байкового халата под опрятным сегодня белым холщовым фартуком, а Саша, чтобы не спугнуть удачу, скосила глаза на щенка. Голову повернуть не смела. Лежит Лаки, не прячется, не спит, то на бабу, то на нее смотрит, напряглась вся.

– Вот на-ка, дочка...

Михална достала вместе с тощенькой пачкой денег еще и очки, и листок бумаги, согнутый пополам. Даже ручку не забыла. Подошла и села рядом на диван. Щенка, как одеяло, рукой в сторону отодвинула. Лаки даже не пискнула. Саша видела, как клочки рыжей шерсти остались на рукаве и ха-

лате хозяйки.

– А ты что, спала, а я тебя разбудила? Прости, дочка. Ну вот, держи. Расписка и четыреста американских долларов.

Бред какой-то, снова день превращался в бред.

– Я не еду, бабушка Михална. – Саша не хотела бреда. Надо уметь говорить «нет». – У меня нет денег на дорогу, и потому я не еду.

И вот дальше произошло еще одно чудо, неожиданное даже предложения Ши Тяна!

– Хм, – поджала губы старуха, – хм. Ладно, ты тогда мне полушубок привези, а то, что останется, – возьми себе на дорогу. Но чтобы все чеки были, ладно-ть, дочка?

Бред чуть не захлестнул Сашу снова. Лай, визги и вой собак на улице – чем не подходящий дорожный марш реальности на пути в тартарары?! Но последующие слова Михалны не дали миру Кислицкой рухнуть окончательно. Практичная старуха еще и добавила:

– Я потом потихоньку за квартиру с тебя вычту-то. Сочтемся. Да и телефоны твои институтские у меня есть.

Мир все-таки еще не уходил из-под ног! Он держался на жадных старушках. Точнее, они его держали, чтобы не сбежал.

– Бери, не сумлевайся, Сашенька. Да, тут еще давеча, сегодня то есть, перевод тебе прислали. Родители, видать. Я за тебя расписалась. Таперича и их адрес знаю.

На еще не замусоленном в сморщенных руках бланке зна-

чилась сумма в треть необходимой. В графе «Письменное сообщение» – Саша готова была поспорить – стояло «На поездку». Мама есть мама, она всегда верила, что ее дочка – самая лучшая. Нельзя подводить тех, кто в тебя верит, даже если они ошибаются. Только что же они не звонят, не пишут? Царапнула мысль, что случилось что-то. Но тогда бы уже кто-то да связался с ней. Просто нужно успокоиться и в выходные съездить домой, в Некрасовку.

И Саша Кислицкая взяла и перевод, и бабкины деньги на полушубок. Как Михална вышла, девушка не заметила. Наверное, довольно покрхтывая. Или даже важно вышагивая, представляя себя в обновке.

Вмятина на диване еще не остыла, а Лаки встала уже на лапки, прижалась к Саше облезлой мордочкой, по-ребячьи заглядывая в глаза.

– Нет, ты либо не собака, либо Михална мне врала про аллергию или ослепла, – потрепала щенка за ухом Кислицкая.

Собачка поставила лапки ей на колени и еще раз заглянула в глаза, обдавая жарким животным духом и поскуливая.

– Нет, дурында, я не понимаю, что ты хочешь мне сказать, но у меня уже есть две трети суммы, собачатинка моя милая! – улыбнулась Саша.

В отличие от нее, Лаки эта новость не вдохновляла.

А Кислицкая постепенно осознавала, что теперь ей отказаться от поездки гораздо тяжелее. Может, если поработать неделю в две смены, попросить авансом выплатить... В кон-

це концов, можно же и...

Собака, почувствовав, что не о ней сейчас думает хозяйка, прыгнула на пол, глянула еще раз на Сашу, обернувшись, и полезла в свой темный угол за шкафом. В темноту уходили мордочка, лапка, другая, облезлая спинка и два низко опущенных ярких рыжих пушистых хвоста. У каждого на конце – белый треугольничек. Почти сразу прекратился собачий лай.

– Лаки, Лаки, – робея, позвала Кислицкая, когда осознала, что она увидела.

Щенок не отзывался.

– Счастливчик, собачка, иди сюда! Дай посмотрю твой хвостик.

Щенок не реагировал. Ни звука, ни движения за шкафом. Саша надеялась, что ей просто показалось, от нервов, как заявили бы в старинном романе. Но тишина в темном углу становилась все более и более подозрительной, странной даже. И Кислицкая решила проверить лично, что там.

Встала, подошла к шкафу, сунула руку... и нашла лишь пустоту. Пошарила еще для верности, чтобы убедиться окончательно, да только испачкалась. Пальцы ловили лишь пыль не слишком тщательных уборок. Бусина, монетка, чек из магазина и катышки пыли – вот и вся добыча. Щенок как сквозь стену прошел, как растворился. Будто и не было рыжего нескладехи. А может, и действительно не было?

Кто же тогда оставил по всей комнате клочки шерсти? Кто

извозил постель? Кто втравил Сашу во все эти странные истории? Да, теперь она точно знала, что все вчерашние и сегодняшние при- и злключения начались с момента, когда ей под ноги в темном переулке бросился странный рыжий комок шерсти. Да вот только куда делся этот комок? Да еще и два хвоста отрастил! Отрастил и исчез – ответ очевиден. И очевидность этого ответа сбивает с ног не хуже самого хозяина. Потому что так не может быть никогда! Ей просто показалось.

– Ладно, – вслух сказала Саша. – Я вернусь с работы и проверю еще раз. Еду я оставляю на середине комнаты, и тебе придется вылезти, Лаки, где бы ты ни спряталась.

Она встала с пола, отряхнула руки и уперла их в бока, оглядывая еще раз комнату. Щенок по-прежнему ничем себя не обнаруживал.

Зато за спиной материализовалась Михална.

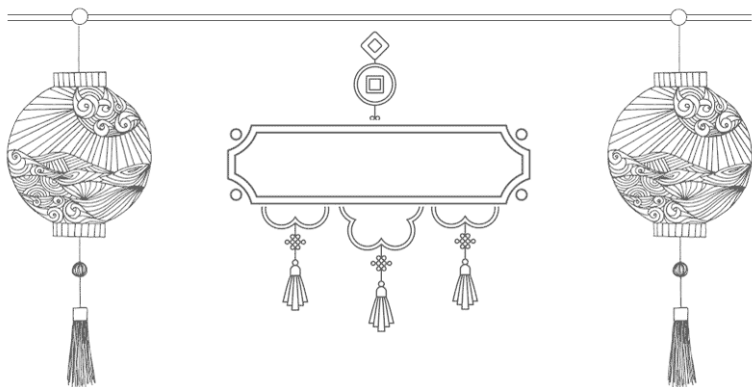
– Еще письмо пришло тебе, но я его сунула куда-то.

Кислицкая впервые видела, как бабушка-пройдоха извиняется.

– Вот, нашла и принесла.

На мятом конверте значился адрес отправления: Некрасовка. И даже сердце не дрогнуло, когда Саша брала странное в электронный век бумажное послание. А стоило бы.

Глава 5

Группка однокурсниц, гораздо меньше, чем ожидалось, разместилась у большого окна. Человек семь всего пришло, так что три места еще пустовало. Девушки заказали сеты из суши и делали вид, что им вкусно и достаточно. Получалось по три-четыре штучки на человека. «Но мы ж сюда не жрать пришли!» – уже изящно высказался кто-то в девичьей компании.

Особенно комично получалось у круглощекой крупной Зойки Зайкиной. Девушка из тех, кто коня на скаку остановит и не заметит, что он бежал, ну или, если хотите, типичная модель «кингсайз», да еще и с двумя плюсами, явно вскорм-

лена была борщами и котлетами. Палочки в ее руках смотрелись как шпильки для волос, а ролл в них выглядел булавочной головкой. Зато шпилька в волосах самой Большой Зайки была украшена бриллиантом. Саша почему-то была уверена, что там настоящий камушек, а не фианит или стеклышко. Камень сдержанно так сверкал в каштановых кудрях. Так сдержанно, что аж глаза резал. Как официантка, Кислицкая знала, что потом все будут догоняться десертами, пирожными и коктейлями в лучшем случае. Да и ладно, чем больше заказ, тем больше процент к выручке. Ради поездки можно и потерпеть их натужное щебетание. «Я им еще и про чаевые напомню!» – мстительно подумала она.

Два мальчика лет двадцати взяли на двоих одну пиццу и одно жареное мороженое и сели в дальний угол. «Парнями» этих существ назвать у Саши язык не поворачивался, хотя на вкус и цвет все фломастеры, как известно, разные. Оба в узких джинсах. «Ну хоть без стразиков!» – заметила Леська, которая тоже разглядывала посетителей. Оба – в ярких худи с мультяшками, у одного длинные волосы убраны в модную японскую петельку, а у другого патлы как у молодого Ди Каприо. Все бы ничего, если бы в манерах молодых людей не сквозило что-то неопределенно-личное, как местоимение. То есть вроде бы и нет ничего предосудительного в том, что приятели зашли перекусить, но и в то, что они о девчонках говорили, при этом нежно держась за руки, не верилось от слова «совсем».

– Ну, вообще же симпатичные мальчишки, особенно тот, который с эмо-стрижечкой, – резюмировала Леся. – О видеоиграх говорят, насколько я поняла.

Саша же заметила, что на мизинце у одного паренька сверкнул перстень с бриллиантом. Второй бриллиант за вечер. И она невпопад спросила напарницу:

– Дурацкая же мода – парням носить украшения, кольца с бриллиантами, правда ведь, да?

– Это ты спрашиваешь или утверждаешь? – сразу просекла подвох подруга. – Тебе же не нужен мой ответ, да?

– Да, – согласилась Саша. – Ответ не нужен, нужен знак.

Тут зазвенели колокольчики на входе, и Кислицкая что есть силы зажмурилась и повернулась к залу спиной. Не раскрывая глаз, спросила:

– На новом посетителе есть что-то с бриллиантом? Только честно.

– Их даже два, – отозвалась Леся. – В ушах. Но, может, это только фианиты... Или вообще какой-нибудь Сваровски. Только ювелир и отличит.

Саша открыла глаза и улыбнулась. Улыбка получилась вымученной.

– Точно, Леся. На знак это все не тянет. Пойду срублю еще чаевых с клиентки с блестяшками, да?

Она подмигнула напарнице, но это тоже получилось как-то неестественно. Кислицкая и сама понимала, что веселость ее деланая внимательной подруге бросится в глаза. Но, во-

первых, работа есть работа и сейчас решается вопрос, обойдется ли для Саши все просто дополнительными сменами и дополнительными же деньгами. А там, глядишь, и без мистики, без авантюр все получится с поездкой. Во-вторых, надо же с кем-то поговорить! Еще утром поездка, желанная, заслуженная поездка мелькнула было и растаяла облаком. Мысленно смирившись с потерей, Саша даже успокоилась – чудес ведь не бывает, а значит, и расстраиваться не надо. Ну поплакала немножко – и будет! Сейчас не сложилось, потом попробую еще, какие мои годы, и программ по обмену – завались!

Но потом, как бусины, нанизались на нить судьбы одно событие за другим, одна случайность притянула другую. И Кислицкая балансировала на грани решения, куда двинуться дальше: остаться хорошей правильной девочкой, несмотря ни на что, или принять предложение Ши Тяна, нарушив законы логики и нормы приличия, в которых жила до этого.

Маленький толчок, знак со стороны Провидения – вот что необходимо ей сейчас как воздух. И еще – поговорить обо всем этом странном. Желание выговориться, рассказать кому-то про невероятное стечение обстоятельств разгоралось все больше и больше. Но повода-то начать разговор не было.

Новым клиентом с «бриллиантами» оказалась девчонка лет шестнадцати. Даже не девчонка, а девчушка. В джинсах, в фирменной футболке «Салон цветов „Белая роза“». Два кристаллика в ушках ее только что и были украшени-

ем, подаренным, наверное, родителями на день окончания школы. Бойкая девчужка, сжимая под мышкой пакет, уверенным шагом дошла до барной стойки и обратилась к администратору:

– Мне нужна Александра Кислицкая. Для нее букет с доставкой.

– А где букет-то? – удивилась администраторша, оглядев девчужку еще раз.

– Здесь! – Та похлопала по пакету и словила недоверчивый взгляд, но ее он не волновал.

– Ну и Кислицкая тоже здесь, – кивнула старшая зала на оробевшую Сашу.

– Распишитесь и получите. – Курьер сунула ей в руки пакет и планшет с квитанцией и равнодушно ушла, посверкивая сережками.

«Нет, все-таки бриллиантики», – почему-то уверилась Саша.

– Что ж за букет поместился в такую маленькую коробочку для документов? Видать, мужик твой его на принтере распечатал, для экономии? А, гейша? – не скрывая иронии, заинтересовалась администраторша.

Была она тетка незлая, но то и дело шпыняла Сашу просто за то, что та молодая. Она всех так шпыняла, но Кислицкая еще и слишком беззубой ей казалась. Официантка должна быть побойчее. А тут эта мямля узкоглазенькая губки так поджала и, ни слова не говоря, за стол уселась, пакет откры-

вать. Хоть бы огрызнулась для порядка.

Саша удивилась не меньше администраторши. В непрозрачном пластиковом пакете прощупывались какие-то бумаги, не больше. Конверт, еще одного конверта ей только не хватало! Она чуть задержала дыхание: едва справилась утром с вестями из первого письма, не надо повторения! Упаковка, однако, легко поддалась, достаточно оказалось поддеть угол склейки зубочисткой.

Из прорехи высыпалась, мгновенно завалив стол, куча розовых лепестков. Все, кто видел это, не сдержали возгласа изумления. Все, кто не видел, повернулись, чтобы посмотреть. И уже потом на ворох благоуханного цветочного шелка выпал конверт. Несколько иероглифов на нем и три листа печатного текста внутри. По-китайски было написано: «С надеждой на встречу».

Не сомневаясь уже более, Саша поднялась с намерением идти к Ши Тяну. Но он сам избавил ее от необходимости проверять, живой ли у него китайский лев в кабинете.

– Что за беспорядок? Это надо прибрать немедленно! – раздался его голос.

Начальник стоял в дверях и смотрел на рассыпанные лепестки.

Кислицкая покачнулась и задела кучу рукой. Розовый водопад полился на пол.

– Да, – ответила она и поклонилась, как полагалось по легенде в суши-баре. И добавила чуть слышно, глядя боссу в

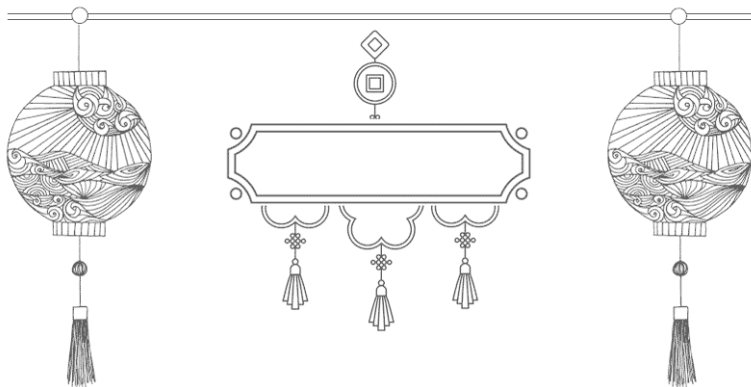
глаза: – Да. Я сделаю.

– Хорошо, – огладил картинно свою бородку Ши Тянь. И произнес по-китайски: – Тебе придется остричь волосы и ухо проколоть. Вставишь бриллиантовую серьгу, как у моего сына. Я такую тебе дам. Потом вернешь.

Часть вторая

Хвосты и лисы

Глава 1

Телефон разрывался от звонков. Он даже в беззвучном режиме создавал столько шума и беспокойства, что казалось, вот-вот выскочит из сумки. Еще бы: Алексу звонили сразу на три симки. Новый белый смартфон требовал внимания, а его хозяин мчался по коридорам университета, словно от скорости бега зависела его жизнь как минимум. На бегу он

умудрялся еще и в сумке копать, намеренно игнорируя ле-
зущий в руки телефон. Алексу Ши нужна была зачетка, а те-
лефон досаждал своей навязчивостью.

Он и так знал, что опаздывает. Знал, что должен денег.
Знал, что не перезвонил. Он все это знал, и его сейчас это
не волновало. Важно было лишь добежать к библиотеке не
позднее полудня. Полдень – крайний срок, и ни секундой
позже!

Как он бежал, как бежал! И никто ведь не поставил под-
ножку, никто не загородил путь, никто не открыл дверь вне-
запно, и никто не решил за минуту до его пробежки про-
тереть пол мокрой тряпкой! Алекс Ши – счастливчик! И
красавчик! И это он тоже знал. Иначе бы столько не про-
держался этот худенький, даже мелкий паренек в студенче-
ском братстве Лесного Северного университета. Исключили
бы еще на первом курсе, но он словно знал, где включить
обаяние, где использовать папины связи – упомянуть о них
вскользь или намеренно, – до какого момента испытывать
терпение преподавателя и что подарить экзаменатору, чтоб
набрать нужные баллы. Он носом, своим точеным носом чу-
ял, где предел терпения и на какой срок можно уйти в што-
пор. А еще он разбирался в выпивке, знал толк в еде и всегда
выигрывал в кости.

Неспешный поток встречных студентов расступался пе-
ред Алексом, как вода перед килем юркой лодки, – расхо-
дился по сторонам молча, зато, смыкаясь за ним, бурлил, а то

и пеной шел. «Пена» была разная – от недоуменных взглядов до негромкой брани. Счастье, что парню, несущемуся по коридорам университета, никто не подставил подножку! Но такой возможности Алекс и в мыслях не допускал: как это, ему – и подножку? А раз не допускал, никто и не ставил. Другое дело – братья Фан! Те еще костоломы! Представить, как они выколачивают карточный долг из его щуплого тела, Алекс мог легко. Но не суть!

Если он успеет добежать до библиотеки до того, как Сяо Сюе сделает в двери последний поворот ключа, то половины проблем просто не станет!

Вот уже и видна в конце коридора большая прозрачная дверь. До нее семь боковых пролетов. Алекс начал терять дыхание, но прибавил скорости. Шесть! За стеклянной дверью высокая сухопарая женщина раскладывала бумаги по красным папкам со старомодными завязками. «Да она сама подходит на эти папки своей сухостью, прямыми плечами и красным нарядом», – подумал бы Алекс, если бы мог думать и бежать одновременно. Но он лишь бежал.

Пять дверей до цели! Цель подходит к двери. Еще рывок, и нужно упасть перед целью на колени, взглянуть в глаза. Четыре! И...

Упасть получилось прекрасно – нашелся все-таки какой-то гад, кто помог, похоже. Ши не заметил, как так получилось, но вот раз – и не бежит он навстречу судьбе и сессии, а летит, скользит по полу. Правда, в нужном направлении. А

телефон выскользнул из рук и полетел вперед. Тоже в нужном направлении. Все-таки Алекс был везунчик – «Айфон» даже не разбился.

– Алекс, дружище, ты маленький, а столько много шума делаешь, когда падаешь! – пробасил кто-то сзади знакомым голосом с сильным иностранным акцентом.

– Отстань, не до тебя, – огрызнулся, даже не оглядываясь, потерпевший.

Благо, как он сам всегда считал, книжек много Алекс с собой не носил и собирать по полу ничего не придется. Но на шум выглянули студенты из соседних кабинетов и нашли замечание иностранца остроумным. Завтра его полет будет хитом в интернете, наверное. Миллионы просмотров – и комментарии с эмодзи: «Алекс, ты снова стал звездой!», «Лишь бы папа не увидел!» – и все такое.

Под девичье хихиканье и юношеское ржание происходил подъем красавчика Ши. С каменным лицом, как подобает герою Китая, юноша встал и двинулся к цели.

Нога болела. Но в этом тоже была своя польза: теперь к строгой Сяо Сюе можно добраться, прихрамывая, и скорее ее разжалобить!

Преподавательница сама вышла навстречу, привлеченная шумом и мизансценой с падением. Еще не старая женщина, даже помолодевшая лицом от любопытства, в строгом красном костюме, она оставила свои бумаги и шагнула за стеклянную дверь.

– Вы не ушиблись, студент Ши? – спросила она со всей вежливостью севера Китая. – Что-то забыли? Не надо было так уж торопиться, подошли бы на кафедру завтра.

Алекс энергично закивал при слове «забыл» и так же энергично замотал модной челкой при слове «завтра». Завибрировавший в тему телефон лежал в полуметре от красных туфель преподавательницы. «Отлично, вот за что можно зацепиться», – подумал студент.

Он закрыл глаза на минуту, представил маленького лисенка с большим пушистым хвостом, вызывающего умиление. Представил, как лисенок оборачивает свой хвост вокруг вот этих вот красных туфель, как мех прикасается к ногам строгой преподавательницы и там, где он дотронулся, вверх по коже скользят рыжие искры. Вот сейчас лисенок замкнет круг, и маленькая головная боль в расплату после успешно сданного экзамена по предмету, даже названия которого не знаешь, совсем не высокая цена!

Но Сяо Сюе просто сделала шаг к аппарату, пнув наколованного зверька и так и не дав ему закончить свое волшебное дело. Резкая боль в ухе заставила Алекса вскрикнуть: теперь двумя таблетками обезболивающего дело не закончится! Слова преподавателя неслись сквозь раскаты боли:

– Ваш телефон? Так вы за ним...

И преподавательница вдруг улыбнулась почти с нежностью. «Дар пропить невозможно», – отметил довольный эффектом Алекс. Безумно захотелось пошевелить заболевшим

ухом.

– Вы прекрасно ответили сегодня на экзамене. Даже декан Мао Си Пу похвалил ваш ответ, когда вы вышли. Я всегда знала, что вы можете прекрасно учиться. Но больше не затягивайте так с ответом, необязательность портит впечатление о человеке. Особенно если будете работать с европейцами.

И Снежная Тигрица, самый строгий преподаватель курса, прозванная так за суровый взгляд и имя, которое можно было понимать как «снежинка», ушла снова за стеклянную дверь к своим папкам, спискам и оценкам даже незаколдованной.

Открытие это, точнее два открытия: «я как-то сдал» и «я сдал без магии, сам» – придавили Алекса к земле даже больше, чем ломящая боль, от которой расплывалось все перед глазами. Он встал, подобрал телефон и все же двинул за красным пятном – пока оно не передумало поставить ему оценку.

«А теперь нужно срочно и много выпить», – скомандовал Ши себе, когда увидел на экране этого самого лезущего в руки телефона, как получил 100 баллов в электронную ведомость. Получил еще загадку и дикую головную боль. И телефон опять начал звонить как сумасшедший. «Не могу говорить. Пиши в „Вейсинь“¹³», – сработал автоответчик, но этого Алекс уже почти не помнил.

---

¹³ Молодежь предпочитает текстовые сообщения. Звонки разрешаются только самым близким.

Продираясь сквозь поплывшую реальность, на автомате он добрался до двери здания. Та открылась перед ним раньше, чем он потянулся к ручке. А местный электрик уже мчался с другого конца корпуса на вызов: как потом оказалось, несколько гвоздей закоротили проводку и вдоль коридора, по которому прошел только что Ши, дохлыми мошками у стен лежали мелкие винтики. Оторванные металлические пуговицы в тех же кучках выглядели мертвыми жуками.

– ...И гвозди прямо над этим мусором пробили провода, – рассказывал вечером жене электрик.

Та жарила побеги чеснока, и ей было недосуг прислушиваться к бредням мужа. Она лишь поджала губы и взвизгнула, когда масло капнуло ей на руку.

– Три шага – кучка, три шага – снова кучка и гвоздь в проводе. Весь коридор пришлось перебирать и чистить. Словно лисы из старых сказок шалили.

– Распустились ваши золотые сыночки! Никакого уважения к учебе, – пробурчала женщина.

Ее бесила обязанность готовить, когда муж сидит и бол-

тает. Мог бы и сам готовить!

– Родители платят, одним рисом питаются, чтоб бестолочи учились, а они не ценят. А ты, старый, уже просто ешь и не рассказывай мне сказки. Тоже мне, нашелся новый Пу Сунлин¹⁴!

Бар «Деньги на посохе»¹⁵ регулярно от чего-нибудь да сотрясался и позвякивал. Видно, так ему было на роду написано со времен открытия в районе метрополитена. Это сейчас метро Харбина скоростное и тихое, но когда его строили,

---

¹⁴ Пу Сунлин – китайский классик XVII века, писавший под псевдонимом Ляо Чжай. Самые известные его работы у нас в России – это сборники сказочных народных новелл «Лисьи чары» и «Монахи и волшебники», два из шестнадцати томов, входящих в книгу «Ляо-чжай-чжи-и» («Описание чудесного из кабинета Ляо»). Вот где можно узнать много о лисах-оборотнях, так что не стоит смотреть корейские драмы как первоисточник! К истории Пу Сунлина будет отсылка в одной из частей книги.

¹⁵ В названии бара – отсылка к известному месту из «Лисьих чар» Пу Сунлина. Ученый Жуань Сю (270–311), презирая всех и вся, ходил пешком, демонстративно привязав сто монет к своему посоху, чтобы все видели, что он идет пить. Пьяные деньги поэтому часто называются в китайской литературе «деньгами на посохе».

тряслось все вокруг. И потому первый хозяин не заморачивался насчет крепких стен и гладких дверей: какой смысл, если все равно шумно. Кстати, тогда бар назывался «Золотая лошадь», а сразу за стеклянными дверями на резном столике под красное дерево у барной стойки на посетителей смотрела большая пластиковая лошадь, покрытая золотой краской. С пьяных глаз она могла показаться куском золота. По чести сказать, она и сейчас стояла в углу возле барной стойки, но уже не притворялась драгоценным слитком.

Сейчас тонкостенный бар периодически трясся от проходящих рядом строительных работ или тоже проходящих, но уже мимо, автобусов. Традиция – основа жизни в Поднебесной. Даже бар это понимал.

Ши тут бывал часто и оставлял много денег, потому что трудно было с большой головой предположить заранее, сколько и чего понадобится выпить, чтобы снять боль. Барменша уже не пучила глазки и не улыбалась, чтобы нравиться этому посетителю, – он и так платил достаточно, – просто подливала в стеклянный стаканчик того, на что он указывал, да подсыпала сладко-соленых орешков. Потом даже ей это надоело, и она поставила большую бутылку дорогой водки перед Алексом и сказала: «Пей до дна!» – а сама ушла за то и дело вибрирующую стойку посидеть под вентилятором.

Ши, как обычно, умело выплескивал в себя водку из маленькой стопки, одну за другой, и после каждой глаз его мутнел, а барная стойка тряслась все меньше. Остановить это

дрожание совсем – вот была цель Алекса на ближайшее время. Он знал: все это – от взрывов боли в его голове.

Водка жгла нутро, от орехов уже чесались десны, но бокалы и бутылки все еще позвякивали. Такого раньше не бывало: боль не уходила, а словно свернулась в серый комочек и каталась внутри черепа, ударяясь о виски, челюсти, лоб, о корни зубов... Стукалась, мерзко позвякивая. Барная стойка звенела в ответ.

А потом он ощутил удар в спину, и в глазах потемнело. Кто-то хлопнул его по спине. Алекс отвлекся от перекатов шарика боли в голове, и тут же с верхнего стеллажа бара упал пыльный штоф.

– Ши, младший братец, вот мы тебя и нашли!

Братьев Фан даже Алекс не различал – близнецы, они по одному не ходили и одевались одинаково.

– Ты же не доиграл с нами партию в бильярд! Да нам не жалко тех денег, которые мы честно проиграли, но ты же жульничал, и вот этих денег жалко!

И, как положено в собачьей стае, они заходили с флангов. Фан, собачьи дети! Только этих однолицых Алекс никогда не мог провести или утихомирить. Но каждый раз пытался. Вот и сейчас, еще ворочая звонкий шарик боли языком, он постарался улыбнуться.

– Братья, я же говорил, что хорошо играю, но вы играете очень хорошо, если умножить ваши умения на вас двоих, – не удержался Ши, не смог справиться с иронией. Очень уж

болела голова, а тут еще надо бутылки от падения удерживать.

– Не беспокойся, малыш, мы решили денег с тебя не требовать, – сказал кто-то из этих одинаковых пухлощеких парнишек, таких добродушных на вид, что сразу насторожишься. – Мы просто приглашаем тебя пожить у нас, пока ты сам все не отдашь, лисий сын! Поехали.

И один из них положил руку ему на плечо. С силой, как крабовой клешней вцепился.

Даже если бы братья ударили с двух сторон, расчетливо, в разные места, Алекс не испугался бы.

Он просто дал волю шарик в голове лопнуть, а его невидимые ошметки разнесли вдребезги пять бутылок на стеллаже. Еще две сорвались и полетели дугой прямо в головы собакам-близнецам. Нельзя сказать, что Ши не знал, что так будет.

– А-а-а-а! Хулиганы, я зову полицию! – сиреной заверещала выскочившая из-за стенки хозяйка.

Вот лучше бы она молчала: визг лишь усилил боль в голове Алекса, и новые бутылки полетели вниз еще быстрее.

Один из Фанов, дальний от хозяйки, вдруг ловко пригнулся, и бутылка, просвистев в сторону женщины, разбилась о косяк, обдав ее осколками. Убойный запах спиртного забил ноздри. Второй брат перехватил предназначенный ему «снаряд» и картинно разбил о стойку. Барменша взвизгнула и, вереща, испарилась в подсобку: полицию можно и оттуда вызвать!

Есть ли смысл описывать драку, если никто из сторон не дерется честно – двое на одного, и этот один не совсем вменяем – швыряется бутылками силой мысли?! Головной боли, точнее...

Но пьяному Алексу удача, видимо, на сегодня уже отулыбалась – братья Фан вообще не удивились его способностям и не отказались от намерений испортить лицо молодому Ши.

И тут Алекс уже не стал бы церемониться и думать, что голова завтра отвалится от боли после применения магии – собак стоит проучить... только вдруг остолбенел.

В дверь «Денег на посохе» зашел он сам, Алекс Ши собственной персоной, причем в компании лаовая Антона, его русского друга, да еще пары однокурсников.

Новый, второй Алекс сощурился, войдя из харбинского полудня в полумрак «Денег на посохе»: собаки Фан, наверное, успели выключить свет на входе. Но Алекс-то видел ясно: тонкокостный паренек с его, Алекса, лицом. Даже серьга в ухе – его!

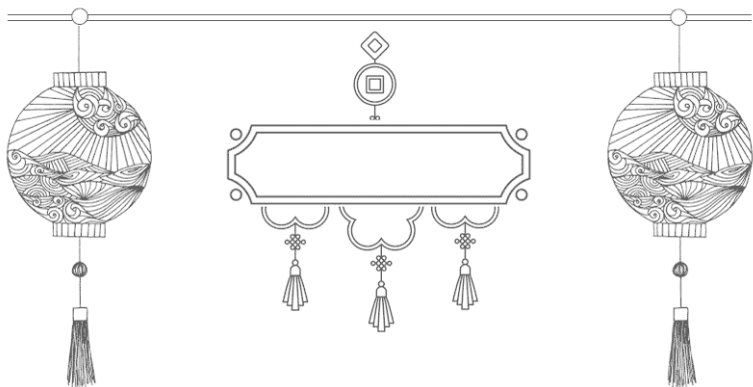
Вот тут Ши и пропустил один, но умелый удар! Дальше до лисьего сына долетали только обрывки фраз, и то сквозь плотный красный туман в голове – шарики боли пухли, как дрожжевое тесто. Братья Фан отработанными движениями зажали его с двух сторон, не давая обмякшему телу упасть на пол.

– Валим отсюда! – сказал Антон по-русски. – В Китае иностранец всегда виноватее китайца. Не хочу объяснять, что я

просто с другом зашел выпить. – Последнюю часть фразы он сказал уже на пекинском диалекте.

«Да-да», – закивали остальные, а второй Ши, из его компании, посмотрел так, словно понял и первую, русскую часть слов.

Глава 2

Разумеется, голова болела. Как каждый раз, когда используешь магию. И челюсть болела, как если бы тебе врезали в челюсть. А еще ломило спину и замерзли ноги. И жутко во-няло. Вот эта вонь была самой большой мукой и самой большой неожиданностью для лисьего сына Ши.

Он пожевал губами, не открывая глаз. Губы пересохли. Поводил носом, как настоящий лис, и его чуть не стошнило – хотя так лисе и не полагалось себя вести никогда. Но запах мочи был просто убийственным! А еще он слышал едва уловимые стоны.

Ши открыл глаза, чтобы найти место, куда блевануть, и

сам застонал. Он был в комнате с решеткой вместо двери, да и та – сверху. Другого источника света не было. Лежал он на полу, на голом полу – нигде ничего не было, совсем. Блевать можно было куда вздумается – результат один.

И Ши хотел бы, как пишут в рассказах про лис-оборотней, пройти сквозь стену, исчезнуть или хотя бы уйти в глубокую медитацию, но с похмелья, с больной головой и, возможно, свернутой челюстью это нелегко.

Поискал в карманах – нет, телефона не оставили, сигарет тоже. Оставалось только сесть, вытянуть ноги и плакать. Потому что, если это братья Фан его сюда засунули, они придут договариваться, а если нет, то голова пройдет когда-нибудь, а значит, и сила вернется.

Алекс провалился в боль и бред. Его дух бродил среди высокой травы, то и дело натываясь на развалины полузаросших храмов¹⁶. Ши был ребенком, детенышем. На балках храмов то и дело хлопали крыльями совы¹⁷. Их перья вылетали как стрелы в маленького Алекса, он уворачивался, но не всегда удачно. Совы метили в голову, но точно прицелиться им мешало солнце. Ши метался, ища спасения, петлял и нырял в расщелины. Трава, зеленая, яркая, не могла его спрятать, только прикрывала на время и тоже мучила резкими

---

¹⁶ Полуразрушенные, заброшенные храмы, молельни, семейные кумирни и кладбища – традиционные места обитания лис-оборотней по китайским поверьям.

¹⁷ Совы – символ смерти в Китае.

запахами. Ши припал к самой земле и пополз. Земля зашептала ему сначала тихо-тихо, лишь царапая уши, как белый шум, потом он привык и стал различать голос, а затем и слова. Пополз на слова. Злобные совы с перьями-стрелами кружились, но попадали в него все меньше и реже. Он понял, просто понял, что голос идет из темных строений в траве.

– ...Лисы-оборотни живут тысячи лет, у них каждые сто лет вырастает новый хвост, а потом, когда хвостов становится девять, лиса седеет и из рыжей превращается в белую, а затем, еще через тысячу лет, – в звездную. Когда дух ее поднимется на девятый уровень пагоды мудрости, то...

Алекс спрятался от злобных сов в развалинах пагоды с бронзовыми колокольчиками. Они странно шуршали, эти колокольчики, и звенели что-то очень знакомое, в восьмибитном диапазоне...

– Яо, заткнись, я снова из-за тебя проиграл!

Другой, резкий голос с неистребимым северным акцентом вывел Ши из маятного сновидения. Челюсть еще побаливала, а голова уже почти нет.

Алекс поднял глаза на дверцу своего тюремного колодца. Тусклый свет едва пробивался оттуда. Еще бы! Пробьешься тут, когда на пути две задницы в холщовых рабочих штанах, одна потолще, другая – костлявая. Двое в рабочих комбинезонах противного сизо-синего цвета сидели на крышке клетки Ши и резались в QQ speed¹⁸.

Алекс улыбнулся разбитыми губами и громко сказал:
– Нужен чит-код? Я знаю! Бесплатно!

И через секунду на Ши сверху смотрели уже четыре глаза. Разумеется, глаза смотрели не сами по себе. Два человека неопределенного возраста уставились на Алекса. На их загорелых физиономиях, круглых и совсем не ученого вида, можно было прочесть многое, даже средний балл по гаокао¹⁹.

---

¹⁸ QQ speed – очень популярная в Китае игра про гонки на карах. Существуют и мобильные, и сетевые версии этих «гоночек».

¹⁹ Гаокао (##) – аналог российского ЕГЭ в Китае. Национальный выпускной экзамен проводится в основном в формате письменного тестирования (исключение составляет экзамен по английскому языку) и продолжается 2 или 3 дня. На сдачу обязательных экзаменов – по английскому и китайскому языкам, а также по математике – предоставляется по два часа. В университетах страны принимают только его результаты – льгот и творческих испытаний там не бывает, а привилегии за достижения в спорте, музыке или иностранных языках отменили еще в 2015 году. Гаокао традиционно проходит 7 и 8 июня, но в некоторых провинциях на гаокао дают три дня. Успешная сдача на максимально высокий балл – единственный шанс для китайского школьника поступить в государственный вуз. Обычно желающих вдвое больше, чем мест в университетах. Но даже высокий балл не гарантирует место в вузе. В Китае университеты требуют, чтобы выпускники выбрали вуз еще до того, как увидят собственные баллы по гаокао. Если проходной балл не набран, то подать документы в другой вуз выпускник уже не успевает в текущем году. В престижные вузы Пекина попадает лишь один

Непроходной. А еще читались крестьянские корни, работа на солнце, «Айфон» не самой последней модели и куча коробок с остатками ужина в мусорных пакетах у двери в комнате и возле кровати. «Вейсинь» умеет многое, но, сколько в нем ни сиди, мусор он не вынесет, а больше некому.

– Вроде очухался, – сказал один, глядя вниз. – Пищит и шевелится.

– Они очень живучие, в них много ци, – покивал другой в ответ. – А не выживет, босс найдет еще. Пора его кормить, как думаешь?

– А он что, особенный? Будем всех кормить, тогда и его покормим. Ты позвони боссу, скажи, что этот очнулся.

И лица скрылись. Опять послышалось веселое повизгивание компьютерной игрушки в телефоне – напарник Яо снова принялся гонять по нарисованным улицам городка внутри телефона.

Алекс обомлел. Они что, его не поняли? Или не услышали?

– Эй, Яо, а ты в какую игру играешь? Давай я выиграю тебе призовой статус! – крикнул Ши.

Он прислушался к окружающему. От охранников, или

процент от сдавших выпускной экзамен. Выпускники из обеспеченных семей, которые не сдали гаокао, часто поступают в иностранные вузы. Образование за границей – единственный шанс для китайского выпускника получить высшее образование, если на гаокао не хватило баллов. Иначе – иди работать все равно куда и помогай семье. Для большинства китайцев результат по гаокао – это социальный лифт или приговор на всю жизнь.

кем они там были, ответа не последовало.

Через толщи стен Алекс ощущал присутствие других живых существ и даже услышал их слабые стоны. Ему показалось, что звуки застревают в чем-то вязком.

Ши попробовал позвать тайным голосом, как учили старшие. Точнее, как смог вспомнить. «Прилежный ученик» – это всегда было не про него, но пожалел он об этом только сейчас.

Существа за стенами затихли, тоже прислушались, как догадался Алекс. И снова застонали. Ответа не последовало. Ничего не изменилось.

Ши никогда еще так сильно не скучал по своему мобильному. В голове было пусто и гулко – своих хитроумных мыслей пока не пришло, а найти идею в интернете не получалось из-за отсутствия интернета.

В животе тоже стало пусто и гулко – есть захотелось. И две эти пустоты резонировали друг с другом, встречаясь где-то посередине, в районе грудины. Запульсировала сердечная чakra, сказала бы бабушка, а дедушка предложил бы попить горячей водички²⁰.

---

²⁰ В Китае издавна считается, что употребление горячей воды полезно для всего организма, а вот холодной – вредно. Есть народное мнение, что теплая или горячая вода – первая помощь при недомогании и профилактика всех болезней. Кстати, в Китае даже есть негласное правило, что-то вроде: «В любой непонятной ситуации пейте горячую воду». Доходит до того, что девушки жалуются друг другу на своих парней: «На любой мой вопрос или жалобу он отвечает: „Ну, попей теплой водички!“» В последнее время в молодежной среде так стали называть недалеких людей. Но иностранцам об этом, конечно, не расскажут.

«Может, мне спеть? Что-нибудь такое, погромче! Из Пекинской оперы!» – пришло ему в голову. Эта мысль не походила на мудрую, но других так и не было. И Ши запел.

Громко и противно.

И тут же скрипнула решетка сверху, и на лицо Алекса шмякнулось что-то склизкое и тяжелое. Кусок сырой говяжьей печени²¹. Изрядный кусок. Оттого и удар получился изрядный. Щуплого Алекса аж откинуло к стенке. И, конечно, он замолчал. Все происходящее было не только странно, но и унизительно.

Но вы когда-нибудь слышали о бунтах в китайских тюрьмах? Конечно, не слышали. И дело не в цензуре. Подождать изменений проще, тем более если у тебя вечность впереди. Не в этой жизни, так в следующей обязательно подвернется случай махнуть хвостом и выскочить.

Ши брезгливо потыкал носком кроссовки бурый, чуть блестящий кусок. Нет, не настолько он голоден, чтоб грызть сырую печенку. Да еще и грязную! Но желудок заурчал. Алекс принялся, повел носом. И вдруг осознал, что у него чешутся десны.

Запах сырой печени манил. Грязный, горячий, выворачивающий наизнанку, от него сводило судорогой внутренности и в то же время все больше хотелось схватить печень зубами, запустить в нее пальцы и рвать когтями, измазаться жижей по локти и по уши. Набить брюхо и валяться в сытой сладкой

---

²¹ Блюда из печени и просто сырая печень – любимая еда лис-оборотней.

дреме, откинув хвост.

Десны чесались все сильнее, и Алекс уже чувствовал вкус крови. Своей крови от все еще человеческого языка и все еще человеческих щек, царапающихся о лезущие изнутри острые звериные зубы. Дурман нарастал, захлестывал, и вот Ши уже видел собственные руки, тянущиеся к вожаденной печенке. И руки эти были с короткими черными пальцами, покрытыми шерстью, но зато когти у них крепкие, длинные.

– Аф! – крикнул что есть мочи сам себе Алекс.

Лисье тьяканье, вырвавшееся из уже заострившейся было морды, в которую начало превращаться холеное лицо молодого китайца, испугало и отрезвило его. Пачкаясь о пол, ползком, отпихиваясь ногами, еще похожими на лапы, на заднице, бывший красавчик Ши Алекс отползал, подвывая, от куска печени.

Он стянул с себя джемпер, спешно обтер им лицо и голову, где могли быть остатки запаха после удара печенкой, и накинул его на кусок. Никто не имел права не восхищаться его силой воли! Запаха почти не стало. На тощем теле Алекса, как в насмешку и словно издеваясь, кое-где торчали ярко-рыжие шерстинки. Это было совсем некрасиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.